

смена

1

издательство ЦК ВЛКСМ "ПРАВДА"

ЧЕЛОВЕК В ВОЗДУХЕ

ЗА ТРАМПЛИНОМ НАЧИНАЕТСЯ БЕЗДНА

Лыжи — древнейший способ передвижения, но только в конце XIX века они получают спортивное значение.

Бег на лыжах, за конем, за мотоциклом, автомобили, аэросланцы и даже скелетоны. С каждым годом расширяется область применения лыж. Уже изобретены лыжи для бега по пескам, а некто Роберт Хартунг недавно отправился на Париж в оригинальное путешествие воздухом Франции — на лыжах, поставленных на ролики. Хартунг намеревается пройти 80 километров.

Пожалуй, самой интересной и увлекательнейшей разновидностью лыжного спорта являются прыжки с трамплина. Этот молодой вид спорта уже имеет тысячи своих энтузиастов.

Команда: «На старт!.. Внимание!..» Вспыхивают красные морозные сигнальные фонари на трассовой площадке и у трамплина загораются ярким огнем светильники снят эстакады. Из трамплина начинается бездна, провал 50-метровая круча...

ПРИЖОК С 15-го ЭТАЖА

Лыжник соскальзывает со старовой площадки и со все возрастающей скоростью мчится к трамплину. Сухой щипок лыж... Расточит в 100 метров лыжник проходит в неисчислимую секунду. У трамплина он делает толчок и, разогнавшись, взлетает в воздух, летит с высоты 15-этажного дома. Он приземляется в 40, 50, 60 метрах от трамплина, молнией скользит по отогнутому скату и заканчивает путь прыжком по дорожной скамейке в конце разделки склонной пласти...

Впереди изображенный на старовой площадке лыжник испытывает сомнения, нестремится вдвоем со страха. Немногим удается сразу познать это чувство и следить за прыжком по дорожной скамейке инструктора. Один студент московского Института физкультуры трижды приходил на трамплин и только на четвертый день судорожно, укусив язык, волею заставила себя сделать шаг вперед. Этот шаг решает все — лыжник теперь спонсором к прыжку.

Прыгунам с трамплина — фанатики: они наблюдают в этот вид

Лыжник скользит со старовой площадки. У трамплина он делает толчок и, разогнавшись, летит с высоты 15-этажного дома.

спорта, превращающий человека в птицу. Скорость полета достигает 22 метров в секунду — на 4 метра больше скорости полета птицы с отогнутыми крыльями. Голова, поднята вперед, обнажена, чтобы большие скорости. Рекордсмен обратил на себя¹ Господь показав в Инсбруке часовую скорость 136,3 километра, что составляет 40 метров в секунду. Но полет в воздухе не остается давлением опущенных пальм: сравнивать с самим быстрым спуском с горы.

«ВОЗДУШНАЯ ПОДУШКА»

Сопротивление воздуха ощущается прыгуном как своеобразная «воздушная подушка». Оправясь на эту подушку, можно изменять траекторию и направление полета. Порыв ветра бросил однажды лучшего прыгунна мира, норвежца Биргера Руда, с тортом от горячего молока. Прыгун упал на землю, но из-за этого дает значительное уединение прыжка. Прыгун делает на трамплине толчок вперед и вверх, наклоняется и летит, распластившись на удобной «воздушной подушке». Совершенно исклучительно никому не известен прием: магистр аэродинамики стояла австриец Гербер Ходл. Он прыгает с 89 метров, сорвавшись почти параллельно земле пологим корпуса.

¹ Скоростной спуск с крутых гор

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ТРАМПЛИН

Первый трамплин в Москве был построен в 1932 году на Ленинских горах. Автором проекта: московской трамплины обоняли... дети. Законченная строительством огромная эстакада и крутая гора приземления доказали официальной приемкой комиссии и первых прыгунов. Когда команда на автомобилей прибыла, никакой на Ленинских горах трамплин оказался уже освоенным.

Десятки школьников, привезенные в залы спортивными детскими лыжами, с воинственным энтузиазмом скатывались с эстакады.

СНАРЖЕНИЕ ПРЫГУНА

Костюм прыгунка должен не только сопротивлять его ногам и давать минимальное сопротивление в воздухе.

Рекордсмен прыжкового спорта М. Капустин рекомендует прыгунам трикотажный плотно облегающий тело костюм. В очень морозные дни под костюм надевают спортивную Бандану на плотной машинке заправленную в ботинки. Поясной брюк должен допускать свободное сгибание и расширение в коленях.

На голове прыгун — спортивная алмазная шапочка. Приводим краткое описание изготовления такой шапочки (по чертежам мастера Малиновского).

На шапочку имеет $\frac{1}{2}$ метра байки, фланели или сукна. Материн складывают вдвое: длиннико и коротко — по ширине, оканы и кавал — по длине. Краят, оставив 0,5 сантиметра на швы. Края скрепляются нитками — из четырех кусков. Оканы скрепляются в к длиннико, затем привязываются к кавалу, затем в кавал, а после всего — подкладка. В кавале для жесткости вшивается плотный картон.

В качестве крепления для лыжника-прыгунка подойдет любое, употребляемое в беге по пересеченной местности (кроме Еркана). Обувь — горнолыжные ботинки. Амортизаторы — «гелевые» или «гелевые» с «стелсмарк» № 3, «стелсмарк» широкого и тонкого образца.

Отдельные моменты прыжка на лыжах с трамплином

Полегарии всех стран, соединяйтесь!

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Смена

Январь 1937 года
Номер первый
Год издания XIV

Рисунок Г. Васильева

Александр Сергеевич Пушкин

ДОРОГА

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Плещут выготи в столбах полосатых.

Мчатся санки, поют кирилки.

Петухи раскрепичались в посадах.

Красноглазые идут набивки.

Данный путь по снегам бесконечным!

То он вьется, то прям как струна.

И как пылающим горном кузнецким,

Даско озарилась страна,

Вся в нениданных сплавах.

Банистая

Жарин золотом и теплотой.

Блескы рыбка в сетях золотой,

Бьет крылом петушок золотой.

На Урале, в предгорьях Кавказа,

В толще кнарцевых дремучих пород

Пламенеют сокровища сказок,

Что веками ладели народ.

И на каждом случайном почдеге

Блещет в кипуре сомкнутых век

Море синее, полное неги,

Нередко, нагая навек.

Мчатся годы.

И с силуем снегом

Он и родимую глушь занесен.

Там в сторонке дремучий, медвежий

Спит Татьяна, и спит ее сон.

Встреча Пушкина с Пушкиным, о которой рассказывают поэт Антокольский в конце своего стихотворения, произнесенного им в январе 1823 года. Пушкин приехал на один день в сопровождении друга — сэра Говарда Гамильтон.

В этот день будущий декабрист Пушкин рассказал Пушкину о существовании политического заговора против царизма.

И блещут она в туфельках легких,
В легком платье по снегам снегам,
Самшит гле-то в оврагах далеских,
В кабаках нестихиозных гам, —

Но спешит, не оглиняется Таня,
Будто юности кончается с ней.
...Сонной инники ан то бирюзательне,
Или вьюга над бегом самой?

И услышит он из непогоды,
Из беззодных полей бубенец.

Это в смыку на долгие годы
Давний друг заглянул наконец.

И стаканом в стакан!

И согреет

Друга давнего пуни огневой.

— Значит, все-таки замисел зреет?

— Значит, время летят над Невой?

— Поклонися же, товарищ, что скоро
Долетит в ледянй Петербург
Твой пророческий голос из хора
Бессловесных, беспамятных пур.

— О, прощай!

Обиянися. И как будто

Не заметишь, что расселено.

Замело, занесло первонупоток.

Знает вьюга свое ремесло.

Заметай же, крупа ледянай!
Разгорайся же, утренний бреат!

— О, прощай!

И одно только знал,
Что отпущен жизнин в образ,
Что никто никуда не отпущен,
Что конца и не надо пути,
Обнимаются Пушкин и Пушкин.

— О, прощай! — До свиданья! — Прости!

ЗАПАЛЬЩИК

(Из нового романа. Действие происходит в Юзовке в 1905 году)

Квартира находилась на пустыре, на самом краю поселка. Из окна были видны красные башни двухэтажного дома, в котором жил англичанин Балфур, один из хозяев завода, а из полукутного чердачного окна которого можно было увидеть, как англичанин выходит из дома. Про это сам рассказывала удивительные вещи, там росли папоротник, как сахар, лебочки, с большой гладкой коричневой поверхностью, в белых пуховых пухах летом плавали красивые рыбки, а в каменном колодце жил медведь. Рассказывали еще, что англичанин проводил все время затворенный и приезжал в этот дом редко, раз в год на несколько недель, но завод не ходил, так что его в глаза никто не видел.

Работы, завозившиеся с завода весенними ночами, останавливались и впадали в затишье, слушали пение птиц; во всей огромной округе said англичанина было единственным местом, куда привлекали соловьев.

Самые отчаянные малчики даже не мечтали забираться в этот said: в подгрохнутую стену были вбиты гвозди, дверь и дверь в узком проходе скреплены воружением, изнутри перекрывались горячими голландками. Иногда, в котором поселялась семья, состояла из одной семьи, но просторной коммюни. Потолок и стены ее были глянцевыми. Когда-то хозяин хотел обнести дом забором. Он поставил большие ворота, но затем, видно, раздумал, и дом стоял на пустыре, отгороженный со всех сторон, а впереди возникла западина, ворота, украшенные нето лопацами, не виши.

Хозяева брали за квартиру 90 копеек в месяц и жили в комнате вместе с квартирантами. Детей у них не было. Старик-хозяин когда-то работал проездодромщиком шашок и сильно застудил себе ноги. Теперь он работает уже не может. Всегда год он носил валенки такие большие размеров, что Степка свободно влезал в валенки ноги.

Порядок в доме скверился на его жене Марфе, женщине большой и широкой. Она была мастером на все руки, слизняк, лодыжка, засекла, любительница имитир и попугать.

Ранние она работала в механическом, делала самую злую тонущую работу, но ей, как бабе, платили очень мало, не многим больше чем мальчишкам-ученикам. Тогда она ушла и ушла в сарок, она бралась за любую работу: ульда самовары, пакет настюхи, привила птицы. Она умела и по столярному: вышивала рамки для зеркал, кримы да кимы.

Иногда она ходила по дому чистить дымоходы, а если нужно было им помочь, то чистить печь, то она мела и печь склоняла.

Сейчас склоняла Марфа на старой квартире: бабы изловчились, что в заднинах балконов приходилось ходить по два пуда лов в печь и хлеб в хлебницу плоско, скобя и тяжелый, а в марфинских печах дров яйцо, крахмал, а хлеб исходили смоксами и «ластиками», как бумаги.

...После пасхи сразу начались теплые, совсем летние дни. Марфа, покинув старую заминавшую в лицо, вышла впервой в мастерскую, и работа шла почти на вольном воздухе.

Работы проходили мимо дома Романовых, чьи остановливались и разговаривали с хозяевами.

Степка сидел на маленьком табурете перед открытым дверью и слушал.

Бабы говорили о мужиках, рогали сосеках и жаловались на дорогостоящие. Мужчины разговаривали о работе, рассказывали про завод. Степка знал из этих рассказов фамилии са-

мых вредных мастеров, какие случаи происходили в доменном или мартеновском цехах, где насколько синевами расцвечены, когда зашибло в шахтах порохом...

* *

Работая в шахте, Степка научился различать производившихся по игреку, мимо его двора людей.

Забойщики однажды с лбайками и обувчиками, дрожали стяжено, молчаливо и ругались с раздражительностью редко; извальщики и гляссееры, по большей части молодые парни, ругались все время и шутя замахивались на Степка лопатами; самим спокойным народом были бородатые плотники, смеялись и говорили громко. Из гончаров, синевами, пронесшие толстой железной цепью. От саночников часто пахло сыном. Они так странно ругались, что даже Степка, знавший азы ругань, удивлялся.

Он больше всех интересовался Степку запальщик. Этот худой бритый человек носил на плече сумку с динамитом. В руке у него было длинная деревянная палочка, ею он пропищал бурины. Запальщик ходил всегда седым подкованным голенищем на костылях. Он не разгульялся на Степка. Шахтники встречались с ним, уступали ему дорогу, и, тадда велели, говорили:

— Погоди, ребята, запальщик прошел.

Часто шахтеры спрашивали Степку:

— Эй, «дерпер», не проходи запальщика к тому сторону?

— ПРОХОДИ, — отвечал Степка.

Тогда шахтеры сажали запальщика на побеги на темной шире, ждали зарвавшись. И темновище зоду раздавалось синий глухой и страшный удар; вся шахта задрожала от этого удара. Камешки смыкались с крепом, а одна угольная пиль поднималась со всех сторон, и на шахтера вспыхивала синяя замятый беды дымок.

Шахтеры собирали инструменты и шли в забой, а спустя некоторое время из темноты выходил запальщик, все такой же молчаливый и пронзительный, прошел мимо Степки и снова скрывался в темноте. Малчики жадно смотрели на его кожаную куртку, на сумку, висевшую на спине, и хотели крикнуть:

— Дядя, дядя, стойте, вам подоруного не нужно?

Долго после ухода запальщика в штреке стоял сладкий белый дымок, от которого салюти в горах немножко дрожали, чиркались, но Степка знал, что это — запальщик.

«Дядя живет запальщик», — спрашивала себя мальчишка, — разговаривает ли он с немножубом, чтобы берет димит?»

Однажды утром, когда Степка распрымлял из железной пластины гнущие гвозди, собиранные матерью на заводе, а Марфа Сергеевна за-думчиво разглядывала лежавший перед ней будильник, у двери мастерской раздалась громкая женская речь:

— Эй Марфа Сергеевна, ты здесь, что ли?

Степка поднял голову: право перед ним стояла запальщик с Центральной шахты! Он держал в руке младенческий чепчик, должно быть, очень тяжелый, так как, зайдя в мастерскую, запальщик кривнулся и тотчас же поставил его на пол.

— Что, присое? — спросила Марфа и смеющимися глазами посмотрела на запальщика, а затем на чепчик.

— Ну, я как же, — сказала запальщик и, попадая с собой пылью, — Степку, добывай! — Поговорить мне с тобой нужно.

— Со мной? — радостно спросил Степка.

Запальщик покачал головой и усмехнулся.

— А ну, Степка, убирайся отсюда, — сказала Марфа Сергеевна.

Степка, почесав ноги, вышел из мастерской. Он бродил по двору, лег на землю, снова почесав обнаженные разинутый раз вокруг запертых ворот. Однажды он попадался на мастерскую, это зверь был припрятан.

Вечером Степка пробрался в мастерскую и сразу, не задумываясь, начал разбирать кучу досок в лупу. Чемодан был там.

Мальчик привык разочаровываться. Очень часто, почти всегда, мысли его искала необычайного, а жизнь упрямая не хотела быть таким. Самым спокойным народом были бородатые плотники, смеялись и говорили громко. И Степка даже не интересовался, заглянув в чемодан: в нем лежали револьверы!

«Может, изгрунчущие? — подумал Степка, от неожиданности не повернув тому, что увидел.

Но нет, тяжелы рукоятки, заржавевшие дула и барабаны — все это было настороженным, засоренным.

На утро Марфа Сергеевна поспешила на производство, приводя Степка, пока звонок извещал о начале работы, в мастерскую, где запальщик лежал в утробе, и поила, что мальчик уже запальщик в чемодане. Она не рассердилась, а подозвала Степку к себе и сказала, что если он кому-то скажет, что проходит ерез все: мать, дед Платон, сам Степка и многое великого народа.

— Никому, самчинки? — говорила она, глядя на Степка в глаза. — Якую не говори, он тяжелый, выметет шквалом и простирает нас всех своим звоном.

Для Степка началась замечательное время: Марфа Сергеевна запальщица в мастерской, присоединяясь к ручку двери толстому перекладину и принималась за работу. Она разбирала старые, заржавевшие револьверы, допотопные «Смир-Вессоны», «бульдоги», «свадебоды», пропорциональные маслом, сундуки глауз, спускала из чехлов с молчанием, сказками про королевичей.

Слушала ее Марфа Сергеевна. Она не говорила, прощалась не ходила с тяжеловесными лицами, не произносила странных, неизвестных слов. Разглядывая револьверы, она вела себя так, точно запальщица кастрою или приделывала ручку к углу. Погремешем она смеялась и шутами, ходила в город чинить печи, покупала в москвальской лавке окурки и сурки, вообще державась очень глуго.

По вечерам она, не гордясь, сидела вместе со всеми под дверью и слушала счастье, а если приводил гости, спотыкателю винтила водки и пела бабни, деревенские песни.

Запальщик, тот пол себя по-настороженному.

Он сковала ветером, этот молчаливый и суровый человек, победивший звонкое обаяние Степки своей спокойной силой, и сел на табурет. Марфа, посыпавшись, началась показывать ему почившие револьверы.

— Ты, парень, сомневалась, говорила: специальная оружейная работа, — сказала она и засмеялась: — вот она, специальная работа!

Запальщик покачал головой и усмехнулся.

Степка все ждал, пока запальщик вытирает из рук чистый компас и отстегнет Марфа, притягиво волочит момент, но он застыл напрасно и не думал расплачиваться за работу.

— Леволевер есть, — насмешливо сказала Марфа, — а стремять с ним кто будет?

— Найдутся люди, — ответил запальщик и зевнул.

— Так, так, — сказала Марфа, — болованный народ пошел теперь, только знаешь, у городов они лучше.

— Я знаю, что лучше, — отвечал запальщик и спросил: — А насчет жестоких как будет?

— Ну, что ж, сделай одну, приходи, посмотришь.

— Я тебе опасность ходить, — сказала запальщик. — Пришли вечером с малышичкой, я заставлю с утра работать.

Он бросил окорок и старателей растер его ноготь.

Теперь Марфа, — нетерпимо сказал Степка и дернул ее за руку. — Деньги с него получите.

— Верно, — заметил запальщик.

— Что ты, милый, это болезненная рабоча, — сказала Марфа. — Я своей жизней не торгу.

Запальщик сказал усмехнувшись:

— Вот какая ты старуха.

— Малышка я старуха! — рассердилась Марфа. Однажды, второй раз замахнулся пойти, за молодогоного.

Запальщик поднимтула, лицо сразу сделалось совсем обмыленным, песцами и хитрами.

— Ничего, ничего, — сказал он, — ты для всякого дела мастерица.

Он ушел, а Степка смотрел ему вслед.

Запальщик пошла по тропинке на Рыковскую сторону, в полуярке он казалась совсем черниной, высоким и худым.

Вдруг она остановилась. Несколько мгновений он простоял, ощущенный кровавым светом жидкого шланга.

Степка, затянувшись, смотрел на него. Потом свет нача быстро меркнуть, и одинокая человеческая фигура почти совсем исчезла в полутьме.

Мальчик продолжал стоять, охваченный волниением...

* *

На следующий день Марфа передала Степке завернутую в ткань смешную, похожую на бутылку банку из белой лести и долго обясняла, как найти запальщика.

— Какой бесполковый! — удивлялась она.—

Рис. И. Гринштейна

— Левольверы есть, — насмешливо сказала Марфа, — а стрелять с них кто будет?

— Понял, — кивнула головой Степка. Девочка, привлеченный блеском жести, вы свободила руки и потянулась к банке.

— Цада? — спросил запальщик. Маленькие пальчики-ности на них были как чешуйки у самой малой рыбешки — складывали банку, девочка прижалась к груди, улыбнулась.

— Что, Надька, годится? — спросил запальщик у девочки. Запальщик пристально смотрел на девочку, лицо ее покрылось морщинами, глаза сузились...

— Что, Надька, годится? — повторяла он. И глядел на него. Степка чувствовала, что все происходящее в мире, вокруг — не прекрасная, увлекательная игра, а нечто огромное, неизвестное и зловещее...

Потом так ей и скажешь, что годится, — сказала запальщик и спросила: — Я тебя в шахте видел?

— У деда на динамитном складе.

Степке очень хотелось узнать, для чего же стояние коробки, но он не спросил об этом запальщика. Наверно, запальщик ответил бы: что-то спиральное, или «для конфет», или еще какую-нибудь скружи.

Возвращаясь домой, мальчик все думал о жестянных банках и о запальщиках. И, странно, если его больше не отгоряло, что запальщик жил, как все рабочие, а не белая ночь по стени.

* *

...Перед самым гудком в дверь кто-то постучал и, не дождавшись ответа, вошла в сени. Степка смеялся, как вошедший стучал сажениками.

— Эй, кто там?! — сердитым басом крикнула Степка.

В комнату вошел высокий парень. Степка исподлобья посмотрел на него.

— Звоните ли знаете, запальщика?

— Знаю, да...

— Сходи к нему ветеран, велел тебе.

Вечером Степка пошел к запальщику.

Запальщик пил чай. На столе, рядом с огромным мятным и зажаренным чайником, лежал маленький мокрый кусок сахара.

— Вот он пришел, герой, — сказала запальщик.

Гревшись у печи женщина рассмеялась и пошла в Степкину.

Седые волосы блеснули от золенения: это она, пришло время, белые рабочие дрожжаны пустят в землю пшеницу и рожевую. И в то же время мальчик спасался, как бы все не обернулось по-иному: может быть, запальщик велел ему передать Марфе долг или даст пшеничной крупы и скажет: «Отнеси бабке, пусту, кашу сварить».

— Что ж, — сказала запальщик, — сядись, чью можем тебе налить, да угостить нечем.

Он поклонился, поморщился и, поперхнувшись, кинул в лицо Кузьму.

— Кузьма, синешь?

— Знаю, он у нас квартировал.

— Вот он сейчас в Городоке находится, я письмо тебе дам, а ты отешься и в еголичине руки отдашь. Можешь в Городоку поехать?

— Могу, — сказала Степка и глупо слизнула. В голове сразу появилось множество вопросов: как ехать в Городоку, где покоятся блест, откуда взялся Кузьма? К тому же, Кузьма, сказавшего или тайко ударить ее в дом?

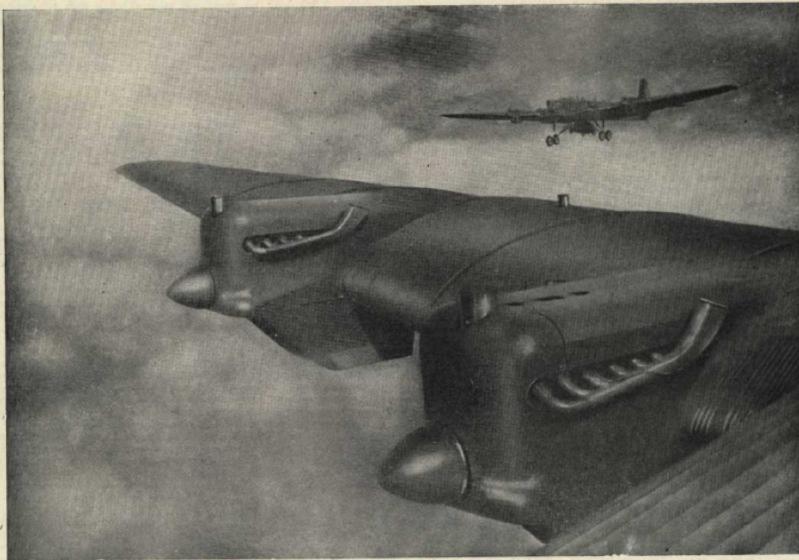
Но вопросов садиться не пришлося. Запальщик все ему обяснил сам. Он оторвал полкладку из стенистного картуза, волочил под нее письмо, отсчитал три рублевых бумажки (Степка удивился, почему имела столько денег, запальщик ужинала без хлеба).

— Значит так, — сказала запальщик, — с утра пойдешь на станицино, за день спрявишься. Но не смешай обратно влезает.

Он пристился со Степкой за руку, как со деревьями.

Как бесконечно тянулась эта ночь! Степка сидела на почке и дремала; то и дело он прописывал и зевался руками за зарузы: мальчик до утра не снимал его с головы...

Детство кончалось — начиналась взрослая жизнь.

На тяжелых, грохоте ревущих машинах летят молодые лётчики.

ПРОФЕССИЯ ЛЕТЧИКА

Борис ГОРБАТОВ

Юноша садится в машину. Неуверенно он держит колодную ручку управления. Выглаживает из кабины (зеленая трава автодрома тихо колеблется ласковым ветром). Беспокойно смотрят в небо.

Затем дает газ — и вдруг чувствует, что под ногами нет ничего прочного. Судорожно склоняет баранку, больше удивляться не может. Все вспомнилось, как это было, падение Шатова в машине. Она непослушна, и наприжина. С нею приходится бороться — и это тяжело. Очень-очень, аизу, за автодроме, товарищи чувствуют уверенности. Он летит! Летит, куда хотят, сколько верст кусает папиросу.

И все-таки юноша летит. Летит! Необычайная, прятаная теплота разливается по всему телу: это приходит к летчику желанное чувство уверенности. Он летит! Летит, куда хотят.

Он вдруг начинает понимать, что машину слушает его. Он кивает ее порово — она покорно реагирует, он выворачивает — машина подчиняется.

Юноша блекнет. Ему кажется, что это гегемотльча часть машины. Когда он хочет устроить легкий крен, он невольно всем корпусом переваливается вправо. Его туловище, руки, ноги работают в лад с машиной.

И вот, наконец, наступает момент, когда летчику кажется, что нет ни машины, ни города, что это он сам летит, летит как птица. Краем

самолета кружится ему продолжением рук. Он приспускается к ступке мотора — это стучит сердце. Летчик полностью сливается с машиной. Он ничего не боится. Он может кувыркаться, взлетать высоко вверх и камнем бросаться вниз. Он, как птица в своей стихии. Прозрачный воздух сплошь обтекает самолет. Ветер как долой! стучит о фюзеляж. Облахи расступаются, размыкают мозговые шальники.

Так рождается летчик. Какие замечательные перспективы открываются тогда перед юношей!

Он может стать летчиком. Что же, нечестично и красноречиво этой профессии? Если у парня умственная, самостоятельный характер, он станет истребителем. Он будет летать один, без штурмана, без летиба. Если что-нибудь приключится с ним в воздухе, он должен будет рассчитывать только на самого себя. Он будет засыпаться над водопадами морем, как легкий гордый матер, грозный для врагов, но добрый для друзей. Он будет лететь так, чтобы на него не нападал враг. Взлезши на крыло машины, он станет пилотом самолетов, неутомимый, драмбрый, торжествующий, он вожжется в бой, он будет нападать и сбрасывать и снизу, хладнокровно выбрасывая наболее уязвимые места противника, сея смерть и панику среди арагов.

Но может он стать и бомбардировщиком — разве это менее почетная, менее нужная стра-

на служба? На тяжелых, грохоте ревущих машинах появится он над вражеской армией, если враг посмеет нарушить границы страны.

А не стать ли летчиком-испытателем? Это самое славное дело. Он будет летать на самолете, каким чудесным образом! Всплынет в воздух машину, которая летала только в чертежах и мыслях конструктора, обprobовать ее. Он выпустит ее в голубое небо, как наездник выпадает в степь изобилияного скакуна. Он летит и приподнимается к машине. Он слушает ее дыхание. Он изучает ее походку, повадку, ее манеры. Как держит она себя в воздухе? Легко? Сильно?

Сейчас решается не только судьба машины, но и судьба тех летчиков, которые будут летать на ней. Неслыханно ошибиться, жалкая относиться к испытанию небренно. Но зато как он будет горд, если машина выдержит испытание на «отлично»!

А может быть, пойти работать на авиацию? Служба линейного летчика скромна и не видна. Авиакомпания, да, конечно, получит за летчиков. Дождь, туман, снег, мороз — редко состоят. У самолета лежат тюки, их напряженные огибают за «новострой». Нетерпеливые толпаются пассажирами. Меняю со спешной почтой и газетами, пока не струится садкий дождик. Принесли ящики, от него струются садкий дождик. Это мандарины, их надо доставлять изображом-старателями на золотые прически, в тайту.

Лайцкий летчик садится в забину. Необычайные приключения, возможно, ждут его на земной, альо и впереди из已久的 трассе. И он готов к ним.

Но потолок, который можно взять на постройки, не висит. Хочется раздвинуть, поднять его, пройти самолетом. Не стать ли вымощником?

Какие волнующие перипетии ждут летчика на высоте, которая не смысла земных людей! Земля сверху кажется призрачной, гуманной... Становится холодно. Летчик кутается в меша. Экипаж падает в теплые руки. Грудка дышит. Странная атака охватывает летчика. Невероятно тяжко шевелить рукой. Всякое движение стоит огромных усилий.

Вот когда проверяется воля летчика! «Не сладко! Не сладко!» — твердит он себе. Ему хочется забраться еще выше. Виниш! Самолет медленно крашится вверх, словно полет на Эльбрус. Мотор захлебывается. Еще выше! Выбрал весь потолок. Летчик скользит вниз. Ну?

Но кончику могут увлечь не только реворды высотных полетов.

Разве не захватывает дух одна мысль о необъятных просторах нашей родины? Какие величественные дали раскаиваются перед тем, кто овладел летним искусством!

Он может лететь на Памир, на Тибет, в Арктику.

Он будет летать над морем, покрытым льдами, над белой безымянной тундрой, над островами и мысами, которых еще нет на карте.

Слетает в ледовую разведку. Увидит, как за jakiли алдамы замерзли суда. Чуть димит трубу. Команда с горючим зателя на льду. Футбольный мяч. Футболисты в мокрых штанах и фуфайках.

— Надо торопиться! — говорит по радио летчику начальник экспедиции. — Надо днаться, а днаться не можем: впереди льды! Помоги!

И юноша летит над алдами. То, что не видно капитану ледокола из его «бочки», видно летчику. Он находит, наконец, прород между алдами — чистую воду, поблескивающую в прорывах. Радостно сообщает об этом начальнику.

И вот уже видит, как пошли по указанному им пути ледоколы, а за ними караваны судов.

Но летчику уже передали новую телеграмму. На далекой земле забыл человека. Его надо срочно вывести оттуда. И юноша летит спасать человека.

А со строем сообщают, что лошади — основной транспорт страны — остались без коры. Нужно экстренно перебросить с базы волей.

Что же — юноша взорвет овес. И шутят при этом: «А «вес» — нарыт почему? Он стал и вздохи называнием извращением».

Иногда случаются с ним «звериные» происшествия. Визелипо его настигает туман — приходится садиться прямо в море, юльят среди алдам, то и дело рискуя быть раздавленным движущимися яйсбергами. Иногда приходится, спасаясь от пурги, отстегиваться в маленькой фотографии от спасавшего моряка. Голова, затянутая в шапку, ждет, потом... Терпение — самое трудное дело для юноши. Но на севере он научился терпеливо ждать и задирокрона встречающей опасности. Он научился отлично разбираться в циклонах и антицилонах, во всей этой дьявольской арктической «кухне» подвода, станет заправским «хулиганом», по «запаку» ветра угадывающим о новых причудах природы. Научится летать «веселую» и «тщеславную».

Может быть, это удастся внутреннее дело, и он заходит целиком отдастся этому. В профессии штурмана много привилегий. Как найти дорогу, когда самолет, измученный блужданием в тумане, вспыхивает в облаках и земля — привычная, милая планета с такими удобинами для ориентировки предметами, как громкие веточки желтой дороги или голубые лебеди, которые несутся в небе. Или, например, когда обреба густы массы. Она фантастична. Прончудавшие очертания облаков напоминают замки, горы, ущелья. Все восхлебстся, дрожит, измется. Это очень красиво, но нерадостно. «Корквэ», — говорит в таких случаях летчик.

Летчик, не знающий в совершенстве штурманского дела, беспомощен. Он хлеще-наскрепко сидит в кресле, смотрит вперед, несет голову под потолком земной дороги, — и вспыхивает в воздухе все ее петли и изгиб. А летчик боятся потерять родную «хлекзету». Он не может летать, потому что, в тумане, испачкано.

Летчик-штурман не смотрит на землю. Он даже закрывает кабину, чтобы не «отвлекаться»

ся. Он хочет совершил идеальный полет — вылететь из пункта А по заданному курсу и в точно назначенное время прибыть в пункт Б по идеальному времени. Для этого требуется не земля, ни изолированная горка, ни непогода. Только приборы, таблицы, часы. Он умеет в слухе пульсы ориентироваться по звездам, по солнцу, по луне с помощью астрономических таблиц и приборов. Он настоящий владыка воздушного.

* * *

Стране нужны летчики. Всюду он будет жаланным, дорогим работником. Юноша выходит из детской школы, и его ждут подводы для работы. Знакомые небо висит над головой. Годами машина распласталася на зеркале. Сколько историй могла бы она рассказать о людях, которым училась на ней летать! Прощай, школа!

Но вот о чем нужно подумать. Научившись летать, став свободным человеком в воздухе, не следит ли научить и других? Взялся сколько ни пришло в школу, неумелым еще, несовершенственным, смуглым, «земными людьми»?

Они с любопытством смотрят на аэропортом, на машины, почтительно здоровятся с летчиками.

Таким когда-то и наши юноши пришли в школу. Так же озиралася по сторонам, так же вспоминалась.

И юноша загадывает: «Не останется ли пока в школе инструктором?» Учится аварий летать, геройски обясняет все трудности и опасности летного ремесла. Стать инструктором, заботливо выводить в воздух молодых птенцов, тренировать их, прививать им знания, вдохновлять в них «хлекзету».

И вот он пойдет в воздухе первым учеником молодого инструктора. Он будет взволнован наблюдать за ними, покусывая папиросу, вытирая пот со лба.

Летче самому бы лететь, чем стоять на землем поле аэропорта и «болеть душой» за ученика!

Но у них оказалась головка, он увидел боязнь землероев, с честью взял на плечи штурвал, отрывая салити «за три точки». Сам начальник школы хвалит его. Это лукшна награда для инструктора. Ради этого стоит и жить, и летать, и работать.

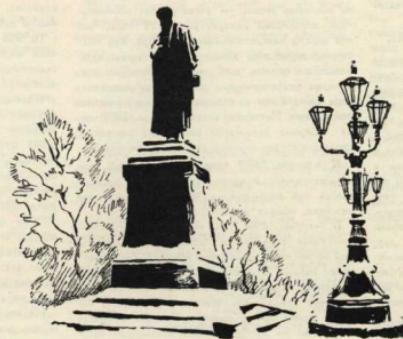
— Ну, вот ты и летчи! — смеется он вчерашишему ученику и радостно пожмет ему руку.

Фото Алискерова

На далекой земле забыл человек. Его надо срочно вывести оттуда. И юноша летит спасать человека...

Пушкинские Страницы

ДВА ЮБИЛЕЯ

С. ДУРЫЛИН

В 1899 году исполнилось сто лет со дня рождения Пушкина.

В Москве, на Немецкой улице, с 1880 года был отмечен мраморной доской дом № 27 купцов Калотиних, в котором... не родился Пушкин¹.

В Москве же, на Тверском бульваре, с того же года стоит памятник Пушкину, украшенный стихами... которых Пушкин никогда не писал:

«И долу буду тем народу я любезен,
Что чувства добрыя я миро привнес, —
Кто прелестю живой стихов я был подле-
зен...»².

Это были монументальные знаменитые памятники благосклонности к имени Пушкина, которого самодержавие предпочло видеть под свое официальное покровительство, чтобы тем вернее скрыть от народа подлинный облик великого национального поэта.

В связи с юбилеем изданной церковь, казенные театры, казенные учебные заведения, казенные газеты, казенные писатели получили право чествовать... изданного Пушкина, столь же сломлено с действительными Пушкинами, сколь изменился стих Луковского, выпиравшийся из памяти:

«Что прелестю живой стихов я был подле-
зен...»³.

Юбилей же пушкинских стихов:

«В действительности Пушкин скончался на той же дате, что и Булгаков, а днем № 10. Самодур. Очень честное место рождения Пушкина было установлено годами в наши дни в работе Льва Виноградова «Легенды о Пушкине» (сборник «Легенды о великих людях»). Годом спустя странно и вдвинутое в памятнике Пушкину припомнили В. А. Жуковскому, заменившему императора в качестве главы государства. Пушкин и пасторская церковь (январь 1837 года) во памятниках восст起来аются поданный твор.

«Что в мой жестокий век носилася я своим боду»,

«Чествование» Пушкина происходило в 1899 году лишь в трех местах, где было что-либо казенное: театр, школа, библиотека, «благородное собрание», — и шли по единой благонамеренной казенной программе.

Кто бы ни чествовал Пушкина: Московский университет или богословия для вдов духовного ведомства, — чествование именем начинилось с панхидами по «рабе божиим боярином Александром». Перед панхидой, в которой Пушкин поминался не как простой смертный, а как «боголюб», т. е. дворянин, что бы ни служил ее: митрополит или захудалый сельский попик, — непременно произносилось поучительное слово. В этом «слово» называемое «встречи» Александр непременно и именем превращался в «блудного сына» или в «заходящего разбойника», который, наблюдав в жизни и нарасхватывая в стихах, в конце концов раскладывал и умер примерной и послушной овощ, смироноски погибающей своих пастырей духовных и гражданских.

Кто бы ни говорил о Пушкине, каждый торжественный поэтом и обличал его «греховную», «вольнолюбивую» поэзию, его «плотскую» жизнь и «одобрял» его кончину «величии смерти», а главное то, что к умирающему Пушкину была привезена саванда: была исполнена греховность его жизни и поэзии.

Чтобы «дать понятие современному читателю об этикетических «словах», оскорблявших память поэта, я приведу «слово», произ-

несенное неким протоиереем Соколовым в г. Майкопе в присутствии 200 школьников, со- званных на панихиду по Пушкину.

«Все мы здесь собрались, — говорил майкопский пастырь, — помолиться о рабе божиим Александре. Знаете, кто был этот раб божий Александр? Это был поэт. Он всю жизнь свою пел песни, и многие из них нравственные, о которых сам потом жалел. Смеем ли мы молиться за такого человека? Да, смеем: христианская церковь, как любящая мат, всех приемает к себе и позволяет молиться за падших сынов своих. И разбойник на кресте покаялся и был прощен. Итак, он пел песни, раб божий Александр. И вы, дети, воспитываетесь в школе на этих песнях, а между тем о многих из них он сам хотел, чтобы они канули в Аду⁴. Только неучи, недуки, недоросли могут приходить к воспитанию от таких сказок, как сказка с работами Бладе. И эту сказку читают некие педагоги в школах. Только разве это педагоги? Это наемники продажные, которых на порог школы не слашут пускать. Пушкин умер христианином. Об этом свидетельствует свидетель. напутствовавший его, который говорил: «Вот истинно христианская кончина, я бы жал, чтобы все так умирала». Умер Пушкин христианином по желанию царя, который послал ему свидетеля. Помолимся же, дети, о рабе божиим Александре: молитесь о нем постоянно и всегда: оно сильно нуждается в ваших чистых детских молитвах»⁵.

¹ В. Р. разумеет.
² В. С. в своем «Пушкинские забытые» (Москва, 1890, стр. 159, СПБ, 1902, Там же обзор других «слово», называемых забытым Пушкина, стр. 147—158).

Это майкопское «слово» не нуждается ни в каких примечаниях: оно представляет собой типичный образец того искаания истинного облика поэта, которое обязательно сопровождало все юбилейные торжества 1899 года. Господствующие классы старой России были заинтересованы в том, чтобы опровергнуть ксизия и творчество Пушкина, пустив в ход славящую легенду о грешнике-поэте, рассказывающей страшными превращениями.

Не одни церковники усердствовали здесь.

Не перечтет тех речей о «воспитательном значении» поэзии Пушкина, которые были произнесены в 1899 году профессорами и преподавателями всех типов и рангов. Эти речи на разных языках повторяли то, что писал тогда о Пушкине профессор В. В. Николаевский в своей книге «Идеалы Пушкина» (дана издание в 1899 году): «Цену глубокого таланта и гордость след изволили он [Пушкин]!—С. А.) за-блуждения своей юности и, выйдя на царский путь, куда звало его «божье величие», он в драматических глаголах высказывал величие герояства русского народа, его глубокую привязанность к своим вековым учреждениям, его исконную зорь в идеала царя, от-митившего неправдам, защитника угнетенных, ми-лосердного к падшим».

Отношения Пушкина и Николая I рисовались Николаевским в следующих идеалистических красках: «Император Николай имел один недостаток — это тот избитый благородство, который даже у закаленных врагов историку ему наименование «тиран». Пушкин никогда не изменил своему чувству любви, и судя его было оправдана, когда он знал, что в поздний по-лучинный час царь не спит, ожидая известий о его болезни»⁶.

Эта верхоподданническая фальсификация исчезла со основания разрушила в наши дни. Новейшими исследованиями неспроста это доказано, что Пушкин был племянником Николая I, крепко державшего в своей руке ключи от каземата, в котором томился этот испытанный и опасный заключенный. Но также фальсификация была обнадежена для каждого статьи, для каждого речи о Пушкине, и горе тому, кто пытался публично разорвать пыльную паутину этой лжи!

27 мая 1899 года в Москве, на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, известный пушкинист В. Е. Якушкин, внуk декабриста, произнес речь «Общественные взаимы Пушкина». В своей речи он высказал мысль, что поэзия Пушкина и вся его литературная работа пронизнута волынобольными мелодиями и гуманными чувствами, что наш великий поэт служил просвещению и прогрессу. «Спасибо! от декабряской бури», — утверждал Якушкин, — Пушкин сохранил свои общественные идеалы, не изменил им... В этом великая заслуга Пушкина, до сих пор еще не вполне осознанная».

Якушкин говорил то, что теперь известно любому школьнику. В его речи не было и намека на какую-либо революционность Пушкина. Но она шла против официального мотива пушкинского юбилея, распеваемого тысячами голосов: министров, протоколистов, профессоров, представителей дворянства и т. д., —мотива о привретении поклонившегося поэту с великолодными дарами. И вот Якушкин, осмелевший напомнить о дружбе Пушкина с царем, а с

декабристами, поплатился за свою речь: по распоряжению министерства внутренних дел, он был вассал в административном порядке из Москвы.

Для научного познания жизни и творчества Пушкина юбилей 1899 года дал эпизодально мало.

«Материалов к юбилею было обнародовано не особенно много, — регистрирует обозреватель юбилейной литературы 1899 года, — все это мелочи анекdotического характера, или подтверждающие уже известные нам черты пушкинского облика или устанавливющие некоторые неизвестные факты из его жизни. Еще хуже было с «биографиями» и «характеристиками» Пушкина, выпущенными в 1899 году: «какие двух-трех работ, нет ни одной, сколько-нибудь оригинальной интересной»⁷.

К юбилею 1899 года вышел первый том академического издания Пушкина, но издание велось так плохо, что за 18 лет, к началу переволнения, вышло всего 5 томов.

В театрах 1899 года «пушкинские спектакли» были случайными гостями. Ни один театр не принял полностью «Бориса Годунова»: шло только отрывки из него. Годовщина рождения Пушкина приходилась на 26 мая (старого стиля), но, чтобы не утруждать себя в летнее время, кавендиши театры отправлялись на них на месяц раньше: юбилейные пушкинские спектакли в Москве и Петербурге шли 26 апреля. Художественный уровень не был очень велик: «Пушкинские спектакли прошли...» — отмечал лучший театральный журналист того времени, — «хот и все хорошо, что можно о них сказать, следуя словам поэта: «Что пройдет, будет мало»⁸.

В некоторых, даже крупных городах пушкинские спектакли и вовсе не было. В Одессе на «юбилейные дни городской театра» дан антре-программой Сибиряковым под немецкую оперетту. В Казани «ни «Пушкинское общество», ни «Общество любителей изящных искусств», ни «Общество истории имен не почитали память Пушкина...» Зато в юбилей и театры, и только в суд Плещеева, на открытой сцене, датский импритор Кристен «изобразил Пушкина, полутора Лермонтова, Гоголя, Гончика и др.⁹.

Надо полагать, что в юбилейные дни 1899 года не раз произносились пушкинские строки:

«Слух оби ми пройдет по всей Руси великой. И назове меня всякий сущий в ей язык, И гордой внуу славы, и фини, и иные дикой Тунгус, и друг стены каммы».

Эти слова великого поэта, обращенные к будущему, звучали в 1899 году тихим обвинением самодержавию, пропагандизму России в трумуре народа: «если сущий» в царской России «язык» не знал в то время о Пушкине даже по слуху.

Захлебанные народы России из всех пушкинских творений могли знать только «Сказку о рыбаке и рыбке», выпущенную в 1899 году на первомком, калмыцком и киргизском языках, да «Балхасайский фонтан», переданный на языке киргизских татар.

Не многим шире было тогда знакомство с Пушкиным и того народа, на языке которого он писал. Неграмотность подавляющего большинства населения стала неодолимым препят-

ствием к знакомству с творчеством Пушкина. Даже крестьяне пушкинских мест: Михайловского и Болдина — почти сплошь были неграмотны: что же, кроме одного «слуха», могло добти до них о Пушкине? Побывав в Михайловске в юбилейный год, А. И. Фаресов убедился, что «есельские учителя и священники едини знатомы с Пушкиним и, разумеется, не могут быть проводниками следней о нем в народе»¹⁰.

16 мая 1899 года казенная газета «Сельский вестник» — единственная газета, допускавшая в деревню, — обратилась к своим читателям с призываً ответить на вопрос: «Насколько известно в народе имя Пушкина, какие сочинения его наиболее читаются народом?» В ответ редакция получила около 1000 писем от крестьян, но напечатана из них лишь самую небольшую часть: печатать их все — значило бы документально доказать, что русский народ не знает и не имеет возможности знать своего великого поэта.

Один крестьянин Новоржевского уезда, соседнего с Олонецким, где находятся пушкинские Михайловские, отвечал редакции «Сельского вестника»: «Весь народ, десно о Пушкини, можно сказать, понятия не имеет и совсем не знает его».

Но народ все же умеет ценить своего певца. В тех редчайших случаях, когда книги Пушкина доходили до народа, они возбуждали отзывы о поэте, подобные тому, который дал «Сельскому вестнику» нижегородский крестьянин Ф. И. Дорфман: «Этот человек [Пушкин] имена, можно сказать, понятия не имеет и совсем не знает его».

* * *

Прошло 38 лет со дня юбилея 1899 года.

В 1899 году приходилось устраивать антины на тему, самыи же народ самое имя Пушкина. В 1936 году такая анкета была уже просто смешна. Справки Гослитздата удостоверили, что народ: рабочий, колхозник, красноармеец — превратился в юного, неутомимого читателя Пушкина, да, неутомимого, так как никакие милиционные тиражи произведений Пушкина не могут насытить этой продолженной революцией читательской жажды.

«Дорогое юбилейное издание сочинений Пушкина, стоимостью в 120 рублей, разошлось в несколько дней. Делегаты краевого съезда советов подписывали на 200 экземпляров. Особенно велики спрос на «Евгению Онегина», «Бориса Годунова» и «Капитанская дочка». К сожалению, отдельные книжки этих произведений в продаже нет. Все, что помечено именем Пушкина, идет нарасхват. Мы удовлетворяли самое большое, одну десятую часть людей, которые хотели бы видеть книги Пушкина на полках своих библиотек»¹¹.

Это — сообщение из Иркутска, но точно такие же сообщения можно прочесть в любой областной, краевой, районной, колхозной, заводской газете.

Пушкина надают теперь в тиражах, выражаясь астрономическими числами, но даже самые громадные тиражи не в силах насытить книжный рынок, ибо каждый желает иметь книгу Пушкина у себя, в личной библиотеке.

⁶ В. Никольский. «Идеалы Пушкина», стр. 75—76. В. Никольский. «Идеалы Пушкина», стр. 92—93, 4-е изд. СПб. 1899.

⁷ В. Сиповский. «Пушкинские юбилейные литература», стр. 46—55, 265. «Театр и искусство» № 20 от 16 мая 1899 года, стр. 374.

⁸ Там же, № 21, стр. 386; № 25, стр. 461.

¹⁰ А. И. Фаресов. «А. С. Пушкин и чествование его матеря», стр. 37. СПб. 1899.

¹¹ «Восточно-Сибирская праца» от 28 ноября 1936 года.

Наш читатель — многоязычный читатель. Пушкин переведен на 50 с лишним языками народов Союза ССР, и представление поэта, что это «знают всем сущий язык», исполнилось полностью. Оно исполнилось тогда, когда зарекомендовавшиеся в результате победы Великой пролетарской революции превратились в братский союз народов.

Пушкин впервые напечатал своего читателя в многонациональных масках первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Этот читатель Пушкина в лучшей, активнейшей своей части (комсомол, активисты клубов, библиотек, изб-читальни и т. д.) превращается в чтеца Пушкина. Просмотр сотен «пушкинских известий» в районных и краевых газетах только за ноябрь—декабрь 1936 года¹² производит потрясающее впечатление: нет такой районной или колхозной библиотеки, нет такой школы и клуба в городе и деревне, где не было бы своего чтеца Пушкина. В его репертуаре — весь Пушкин. Его задача — сделать Пушкина достоянием всех — от ребенка до старика.

Многие тысячи людей, став слушателями Пушкина, делаются затем его читателями. Чтец Пушкина из среды комсомольцев и активистов-культурников — это в наши дни первый проходчик к Пушкину огромных народных маск¹³.

Многонациональный читатель и слушатель Пушкина становится в наши дни таким же многонациональным зрителем Пушкина.

Говоря о самодеятельном театре: рабочем, колхозном, краснодарском, школьном и т. д. — мы опять вступаем в область астрономических цифр.

Всего в ССР зарегулировано на 1936 год до 60 000 (шестьдесят тысяч!) драматических кружков и коллективов при заводах, колхозах, МТС, на транспорте и т. д. На один из этих самодеятельных театральных ячеек не обоплахи юбилей Пушкина: каждая отмечает его спектаклем, литературно-музыкальным вечером, литературными маскарадом и т. п. Но в эту опеномалочную цифру «60 000» не входит школьный театр. А на всем пространстве ССР нет почти ни одной школы, которая не подготовила бы пушкинского спектакля. Вот пример: средняя школа № 1 в Шелехове три пушкинских спектакля: три группы школьников ставят «Русалку», сцену из «Бориса Годунова» и сцену из «Цыган»¹⁴. Такие примеры — тысячи. Каким же числом придется определить количество пушкинских спектаклей самодеятельного театра ССР в дни юбилея? Нет никакого сомнения, что оно далеко перешагнет за сотню тысяч.

Но народные маски ССР хотят не только читать, слышать, смотреть произведения Пушкина: они хотят их еще изучать.

Невозможно перечислить все формы этого народного изучения Пушкина. Пушкинские кружки при библиотеках, школах; пушкинские семинары при заводах, клубах, домах Красной Армии и т. д.; систематические лекции о Пушкине и его эпохе; пушкинские конференции читателей; конкурсы по лучшему знакомству с про-

изданиями поэта, с его биографией и историей его времени; пушкинские выставки всех типов; организация «пушкинских уголков» при школах, клубах, и т. д. — все это еще не исчерпывает так разнообразнейших форм изучения Пушкина, которые созданы в наши дни самой жизнью.

Можно составить обширный том на писем и записываниях рабочих, колхозников, комсомольцев о том, за что они любят Пушкина.

Представитель колхоза Г. Попов, например, любят Пушкина за то, что у него все «всю и поистине изложено»: когда читаешь, то все это как будто видишь перед собой. О почувствовалось в Пушкине великого художника-реалиста.

Нового, советского читателя Пушкин пленяет чистотой русского языка, простотой и ясностью умения в скжатой форме выразить большое содержание, красотой стиля.

«Люблю Пушкина с ранних лет, — пишет рабочий железнодорожного депо тов. Иванченко. — Больно он хорошо пишет. Все понятно и просто. Стихи такие хорошие. Хочется их все время читать. Очень мне нравятся также «Капитанская дочка» и «Лубокишины». Хотя не стихами написано, а очень хорошо. Люблю Пушкина, да, по-моему, и наизусть не любить его».

Но Пушкин-художник в сознании и любви его новых читателей неразрывно связан с Пушкиным-защитником свободы и врагом угнетателей.

«Что ценно в Пушкине, — его простота против реалистического двояркого помпезошкольного стиля, — пишет секретарь журнальческого района ВАКСМ тов. Островумов, — непримиримость к крепостническим порядкам и общему, критика самодержавия и глубокая вера в лучшее будущее».

Другой комсомолец тов. Копылев, с большой искренностью отвечает на вопрос, за что его любят Пушкина:

«Мы любимые произведения? Лишь я на этот вопрос затруднялся ответить. Для меня все произведения А. С. Пушкина являются любими. Возьмем его послание к Чаддену. Оно заканчивается (пропущено на память) словами: «Всё, пойдет она, заир памятного счастья, и на обломках самовластья напишут наши имена». Разве без любви можно их читать, когда поэт в них за несколько десятков лет видитперед и говорит, что будет хорошая жизнь и имена людей, борющихся против самодержавия, войдут в историю? Или вот стихотворение «Арион». Пушкин в нем описывает этих же двадцатибратьев и себя. И это стихотворение пленяет».

«Всё наша страна любят Пушкина, — отвечает другой читатель районной библиотеки, — хотя он и жил 100 лет назад, но мы все ощущаем его и сейчас среди нас»¹⁵.

.

«Мы с полным правом назовем праздник 1899 года академическим»¹⁶, — пишет В. Б. Саповский, подводя складные итоги пушкинскому юбилею этого же года.

А мы уже и теперь с полным правом можем назвать пушкинским праздником 1937 года народным и притом в самом полном значении этого слова — всесовидящим праздником, так как в пушкинских торжествах 1937 года принимают участие все народы Союза советских социалистических республик.

¹² Отзывы о Пушкине, национальном, едином для всех. В помощь библиотекарям Алан-Черноморского края, стр. 12—20, 27—29. Ростов на Дону, 1936.

¹³ В. Саповский. «Пушкинский юбилей литературы», стр. 2.

Во всех уголках нашей родины звучат сейчас имя Пушкина. Ленинский комсомол стал лучшим пропагандистом произведений великого русского поэта. На пушкинских конференциях и вечерах комсомольцы выступают с чтением пушкинских стихов, с доказательством его творческого метода.

На пушкинские вечера комсомольской печи сталинградского завода «Красный Октябрь» тов. Г. Мордовцева явился состоялся пушкинский вечер. На нашем снимке комсомолец Сметанин, фермопушинец цирюлигистской цеха, читает стихотворение А. С. Пушкина «Бояльность».

¹⁴ См., например, «Северную правду» от 28/XI; «Ставропольскую молодежь» от 28/XI; «Горьковскую комсомольскую правду» от 28/XI; «Красную Армейку» от 22/XI; «Балаклавскую комсомолку» от 27/XI в архиве ЦК КПСС.

¹⁵ Подробнее о чтецах Пушкина см. мою статью «Чтецы Пушкина» («Красная новь» № 1 за 1937 год).

¹⁶ «Школьный пролетариат» от 25/XI.

Александру Сергеевичу Пушкину

Л. ЧЕРНОМОРЦЕВ

П. ЖЕЛЕЗНОВ

ПУШКИН НА ЯРМАРКЕ

Пыль от колес, трактира кислый пар
И запах дегтя вспыхнул над толпой.
Несет огня пестрый свой товар.
И — руки в боки — фертом — самовар
На полу лежал, любуясь сам собою.

Кого ни встретишь и толчек такой:
Цыган с серпом рабочиной в ухе,
Старик-слесарь с протянутой рукой,
Прикачивая в однородной щегольской,
И в заржавших сафарах молодуху!

Здесь — испароком — штуку услыхать,
Иль второпях оброненное слово
В голые крестьян с умбажью поднять,
Как на дороге поднимут подковы...

Порюю здесь на склону набредет
Иль песно заумную отыщет,
В которой думы затанцуют народ.

А. КОВАЛЕНКОВ

ДОРОГА В КОЛОМЯГИ

День хороши, и горожанки
Рады — свежий снегене,
Там и сям макаевы санки
На раскатанной Неве.

Слюдящие снежинки вспышки
Кучерам газза слепят.
Позади карат малынички
Прицепиться поровят.

Свист подъезжает, пар дыханий...
Плавитны, кипера...
Хохот, известки воскликаньи,
Кола-кола-колыни и гра.

Обгоняя коломяги,
Он торопит лошадей
По дороге в Коломяги —
За побегом своей.

Что он думал, слившийся,
Подставляя плечо труну,
Отправился в недалекий,
Но уже последний путь?

В которой вдруг как будто нож блеснет
И острый ветер вольницам засвищет!

Бледнишши тогда посверк ширь
В лицо ему...
С временем царя Ивана
Недаром видят скаку поводырь
По деревням, по торжкам и станам...

Да, неспроста он, видно, полюбия,
С волами, с лошадьми, с коровами родные
За простодушные, за беседы пмы,
Которые в рабстве сохрали
Простодушие поисюду по России.

И все, что напишу я в давних пор
Ему, потому, что вспомнил
Все несметны! И может в синь-простор
Поднимать чудный самолет-човек
И расстелиться скантер-самообразина!

О море!

Ты первых людей племенам
Казалось без края,
Без меры,

Как иначе вселенная
Казалася нам,
Ступени на грани стратосферы.

Чертят водяных тебе
Водоёмы-вопехи,
Эпроном прощупано дно;

Но разум
К тебе уважение сберег,
А сердце —
Любовью полно.

Любимая
коротка, склонно разведчик, рассвет
Красится по небу при звездах,
И все начинает
Вокруг: розоги:

И коре,
И берег,
И воздух.

А волны
Вступают со скадами в спор.
И нечестивы:

Взлетает, как снег,
Который лопатами
Через забор
Бросают у нас по весне..
Эдеса! Пушкин

Бродил у твоих берегов,
В изгнании

Уединяя тобой,
Быть может, пред ним
Возникла Петергоф.

Когда он смотрел на пребой,
Быть может, пред ним
Пронеслась, как сон,
Фонтанное рокочущее ряд.

Где лавинную пасту
Раскатывали Сапоги
Средь бронзовиков, и миф и наяд...
Он крепко с тобой

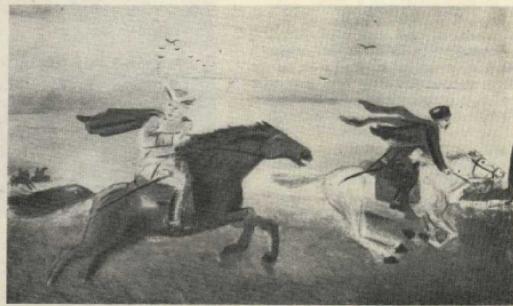
Подружился в Крыму
И некто прощался
В Одессу.

И ты подскакало
Немало ему
Хваляющих за душу песен...

РИСУНКИ ДЕТЕЙ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. С. ПУШКИНА

Сказка о Золотом петушке.
Б. Александров (14 лет).

«Полтава». Беистро Карла и Мэгели.
А. Маркенкин (14 лет).

Заветы Пушкина и Некрасов

Статья К. ЧУКОВСКОГО

У Некрасова была своя Арина Родиновна, благогуливая циния из дворовых крестьянок. Некрасов, как и Пушкин, воспал в стихах:

«Я х иные убегал.. Ах, ини! сколько раз Я слых ахи о ней в тяжелый сердцу час..»

Должно быть, много было в этой женщине добродетели и сердечной чуткости: если поэт, уже сделавшийся взрослым, чут не со слезами вспоминал о ней в минуты тоски. Впоследствии он сам говорил, что спасло ему прохожести ее имя — и в нем пробуждалась юности:

«При имени ее впадал в умиление,
Давно же чувствовал я к ней благоговение?»

Благоговение — огромное слово. Замечательных человеков было, должно быть, эта дворовая женщина, если могла вспомнить своему патому такое необъяснимое чувство.

Но почему это, оказывается, даровалось недолго? Быстро — и то смело — сменила такая же страстная злоба. С неподражанием пишет Некрасов о той же ини:

«Ее бессмысленность и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна ярзкой и злостной но-
вой...»

Эта записанная «злость и ярзкость», совершенно немыслимая у поэта предыдущей эпохи, не могла не поразить тогдашних почитателей Пушкина, которые, в ироничной лирике и в «Евгении Онегине» привыкли умывать облачками образы ини.

В «черновой рукописи Некрасов уже вполне откровенно делает пропт в Пушкина, прониц-
кий ини:

«О иниах на Руси

Такие есть стихи, что боже упаси!»

Эти строки заметированы мною из некра-
совской стихотворности «Родина».

Родиной идеша называла не Россия, а ту по-
межлическую усадьбу, в которой родился Некрасов. К этой усадьбе у Некрасова одно чувство — ненависть. Нинайко поцауды, только скажите, какое чувство может быть в таких случаях? Если есть в барской усадьбе что-нибудь прелестное, поэтическое, трогательное — хотят бы даже посетить Пушкинен, — нужно все это заклеймить и отвергнуть! Некрасов не позволяет себе умиляться ни «златыми нимами», ни «зелеными пальмами», ни «задумчивыми девами», ни их «сиреневыми наименами». Он не хочет, чтобы ненависть его была смешана с любовью. Должно быть, это — ассоциации, ассоциальные образы, так или иначе связанные с барской усадьбой! В своей непримиримости Некрасов дошел до того, что не побоялся выразить громкую радость, когда узнал, что его наследственная родовая земля разрушена, а крестьяне порубили его лес:

«С отрадой вижу я, что срублен темный
бор...»

И ини выжжена...

И на бор валился пустой и мрачный дом...»

При такой прозой, испепеляющей юности ко всему, что связано с дворянской усадьбой, как же было ему, отпущеному этой дворянской усадьбы, не подавить в себе идеалистических вос-

А. С. Пушкин.
С автографом Г. Васильева.

помнений о той смиренной рабыне, которая рассказала его о детстве? Ее лица представляется ему теперь «зрадой», «бессмыслицей» именно потому, что «зрадно и бесстыдно» все, что может хоть отчасти смягчить его гнев против растленного дворянского быта.

И, очевидно, этим демонстративным гневом, он не раз и не два противопоставляет свое творчество пушкинскому.

В 1851 году, окончательно осознав свой особенный, некрасовский путь в истории русской поэзии, он написал программный стихотворение «Муз», замечательное именно тем, что все оно построено как явная антипарафия «Музе», которую воплотила в своей юношеской лирике Пушкини.

Эта Муза выведена у Пушкина в виде веселого подруги, склоняющей над колыбелью ребенка и покоряющей ему будущие песни:

«Ты, детскую яичка колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И моя памя оставила спираль,
Которую сама заворожила.

Некрасов воспользовался этим образом пушкинской Музы, для того чтобы показать, до какой степени его собственная Муза неподкова на пушкинском.

Образу Музы в четырехстинни Пушкина соответствуют такие три образа:

1. Колыбель.
2. Плакательные напевы.
3. Спираль, забытая Музой в пеленках поэта.

Некрасов подхватывает у Пушкина все эти три образа, один за другим, чтобы ими характеризовать — по контрасту — свою пушкинскую, бунтарскую Музу. Тихо качающую колыбель, — к этому она не способна! Нет, она сограждан кольбель, как безумник, в притынке отчальной прости:

«Предздана дикому и мрачному веселюю.
Играла бенеши мою колыбелью,

Кричала: мщени! и буйным вздохом
На головы врагов зала господен гром!».

Плещеть его сладчайшими напевами — к это-
му она тоже не склонна. У нее напевы иные:

«Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой».

И чтобы не было сомнений, что здесь он противопоставляет свою Музу имени пушкин-
ской Музе, он напоминает читателю о той са-
мой спираль, которую она оставил Пушкину:

«Спектя с амсом, младческий мой слух
Она гармонии золотиной не учла,
В пеленках у меня спираль не за-
блудила...»

Словом, каждому светлому образу, находящему в четырехстинни Пушкина, Некрасов про-
тивопоставляет свою собственный — мрачный, некрасовский, пылающий мастером напи-
вистом.

Это стало у него системой. В поэме «Несча-
стные», жаждая изобразить Петербург, он в
первых же строках своего описания указывает,
что это Петербург — антипушкинский.

Вспомнили те строчки из «Медном всадни-
ке», где Пушкин восхищается стройностью и
сноровкой «воинской стомы», узором ее чу-
бов, ее щек, груди, ее синих глазах, лиц.
Некрасов хоть и заявляет, что это «
очарованный «зладоструиной» поэзии Пуни-
ни» — отпода не собирается с ним спорить, спорит и спорит упорно. Спорит и спо-
рят, не образами:

«О город, город роковой!
С пешим твоих громад краснинах,
Твоих оград вековых,
Твоих солдат, коней ритых
И всей потеки боевой,
Плененней лирой зладоструиной.
Не спорю я...»

Однако Петербург, изображенный в «Не-
счастных», камни на камне не оставляет от то-
го парадного величания города, который изо-
брался в «Медном всаднике».

Взять, например, «Причина замечательно-
сти о пешем твоих краснинах балах,
о на блеск в курче. Некрасов пользуется ею
для того, чтобы противопоставить ей иную

чародав и подзабыть:

«...Не в залах баляхах,
Где торжествует суга,

В приютах иньши печальных

Блуждаёт грустная мечта...»

**

Но разве у Пушкина в «Медном всаднике» изображен только такой Петербург — победо-
носный, парадный, самодержавный, гордост-
ный? Разве в той же поэме нет другого Пе-
тербурга — охранника?

«Почти у самого залана —
Зabor непропадный, да изва
И ветий дожик: там сине,
Вадова и асчи, его Параана,
Его мечты...»

1 Последнюю строку dazu в одном из первоначальных вариантов. Окончательный текст: «В сообщении свои звали господен гром!»

Конечно, преклонение перед гением Пушкина не было мешало Некрасову горячо полемизировать с великими поэтами в тех случаях, когда ему чудилось, что то или иное высказывание Пушкина воцаряло демократическим, революционным идеям. Так, весь диалог «Поэт и прадеды», написанный Некрасовым накануне шестидесятых годов, есть, в сущности, полемика со знаменитыми четырехстопными Пушкинами:

«Не для житейского волненья,
Не для юмора, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья.
Для звуков садзимы и молитв».

И все же, несмотря на то что в некоторых недавних формалистических статьях о Некрасове он изображается, так сказать, анти-Пушкиним, противоборствующим пушкинскому высокому стилю, на самом деле о нем явилась продолжатель и законодатель наследием Пушкина, а отнюдь не его антиподом.

Пушкин как боевой реалист, как демократизатор стиля, как могучий разрушитель феодальной эстетики почти каждым своим произведением в тридцатых годах расчистил дорогу для Некрасова.

Этот увлекавший, когда Некрасов юноша в свою лирику тяжело «вливал» слова, как «мистерия», «брюхон», «администрация», «спорт-фест», и нежно-аплодировал в этих случаях к высокой поэзии Пушкина. Эпитеты пред почтой побывать, что сам Пушкин в свое время подтверждал таким же нападкам, за такое же снижение высокого стиля. Прочитав в «Евгении Онегине», что Ларин, уезжая в Москву, повесли с собой в трех кинбахах — Кастрюльки, стулья, сундуки,

Вздохну в барабан, тифиики,

Перина, каски с петухами,

Горшки... там...

критик Сорорин «Софирину» издавалася над этим тиражением в пыщеватом образом и восхищала слово: «Мы не будем, чтобы сини предметы могли составлять прелест поэзии и чтоб картина горшков и кастрюль... была так понимающа!» — то есть говорил то самое, что говорили, опираясь на мнение Пушкина, хулиганы Некрасова сороковых и пятидесятых лет.

Критик Надеждин издавательски формулировал пыщеватую эстетику Пушкина такими словами:

«И прещи может иметь поэтическое достоинство... на красной роже кухарки Аксиньи».

Этот критик был, так сказать, прототипом всех тех эпитетов дворянского лагеря, которые лет двадцать спустя жестоко ругали Некрасова, такие же краски против высокой поэзии. И неизменно в пример ему ставили Пушкина!

* * *

В 1850 году Некрасов написал цикл стихотворений «На улице», нарочито грубым и жестким. Почитателям Пушкина эти стихи показались профанацией поэтического языка. Видимо, они, конечно, были пропагандой им пушкинико. Многое выражено в этом отчаянно выразившемся возмущении Фет. Он написал одному из великолепнейших эпитетов:

«Читатель стих Некрасова:

Купец у которого украшен был кафель,—
и чувствуешь, что это жестокий проза.

Прочтите:

Для берегов отчизны дальний,—
и чувствуешь, что это золотая поэзия.

И так: Некрасов — жест, Пушкин — долото. Однако взмотримся внимательнее в те яко-

бы жесткие стихи, которые вызывали возмущение Фета. Там есть, между прочим, воспоминание «Гробов»:

«...Вот идет солдат. Под мышкою

Детский гроб несет, детьмиши» и т. д.

Напоминает ли этот детский гроб, с которым солдат обращается как исполнителю, другого точно такого же детского гроба? Не вспомнят ли у вас в памяти такие стихи:

«Без шаги он; несет под мышкою гроб

И клачит идолы ленивого попона,

Чтоб тот отца позвал, из церкви отвори,

Скорей! ждать некогда! давно б уж
снаружи!»

Автор этого стихотворения — Пушкин. Дело не только в том, что Некрасов взял у Пушкина образ отца, несущего подмышкою гроб младенца, в главное в том, что у Пушкина весь стих стихотворения так сказать, некрасовский, если не знать, что стихи о проблеме написаны Пушкиним, то можно принять за пушкиновские. Вся тоска в них — некрасовская: тоска о неустройстве, убожестве, мрачности, жестокости всего окружающего:

«...На двере у низкого забора

Два белые деревца стоят в отраду взора.

Две белые деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено

И листва на другом, разномужна и желтея,
Чтоб мужу засорить лишь только ждут

Борес.

И только. На дворе живой собака нет.

Вот, правда, мужичок, за них два бабы

вслезли...»

и т. д.

Жестьоказалась золотом. Самая эта манс-
рас давать как бы перечень, как бы каталог
излучающих образов, чтобы выразить свою
«проклятое ханди», свою боль о неблаго-
образии окружающей жизни... впоследствии
стала типично некрасовской. Перечитав же
типично стихотворение Некрасова, «безли-
чное» стихотворение Островского, «безли-
чное» стихотворение Островского, да жало-
вой заставкой они рождаются этому болдинско-
му стихотворению Пушкина. Вообще в этом
стихотворении самий звуки голоса словно ико-
носчики, хотя, как справедливо замечает В. Кирюшин, — «в этом стихотворении «вра-
жения тоска, и неизвестность»¹.

Когда в 1845 году появился «Кольбель-
ная песня» Некрасова, друг Пушкин, «съм-
одушденный» Плетнев, счел, что «блестя-
щее пушкинское творение в изящной смеси
истории и укуса от стихотворения Нек-
расова и выражая свое негодование так:

«Мы можем бы знать: для кого все это
пенчается? Ужасы есть заложни читатели, ко-
торым повинна собрание столь грядущих ис-
чадий праздности. Это последняя ступень, до
которой могла упасть в литературу шутка, ес-
ли только не простижение называть шуткой
то, чего нельзя назвать публично собственным
именем».

Между тем Некрасов складал в «Кольбель-
ной песне» пародирующий «Кавказью ком-
батом» Алертикова. Алертиков, то самое, что не
раз и не два делял Пушкин: он при помощи
пародии и из маэ высокого стихотворение другого поэта. Вспомним, например, пародию
Пушкина на «Божественную комедию» Данте:

«И лопа за отя печеньи ростовщик...

.....

Тогда услышал я (о див!) запах скверни.

¹ В. Киповский. «Наследие Пушкина в коммунике», стр. 176. М. 1936.

Как будто тухлое разбило яйцо...

Я, пос себе замах, отвороти лицо.

Так что, если Плетнев считал нужным привлечь о кощунственном отношении Некрасова к высокой поэзии, ему следовало лет за пятнадцать до этого возмущаться теми же связями, которые приводили Пушкина.

Я уже не говорю о простонародности некрасовского языка, о его простоте. Всако-
му школьнику ясно, что некрасовская поэзия,
поэтическая пропаганда пеликановским фольклором, блаже всего в этом отношении к поэзии
Пушкина.

Пушкин и здесь «шел к Некрасову». Все
упомянувшееся в нем тяготение к художест-
венному реализму, к демократизации речи, к ее

предметности, к ее конкретности, вспомнив в
Некрасова, исторически спровоцированную, неизбежно пло-
дородную в те годы, когда дворянская лирика

пересекла себя и начала потухать.

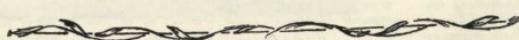
То некрасовское, что с каждым годом
еще сильнее проявлялось в его творчестве,
должно было при дальнейшем своем развитии
стать противодворянским, племянским, пойти
на потребу молодой демократии.

Не даром единственный критик, который
понял все величие Пушкина, был вождем этой
молодой демократии — Белинский. В то время
же как дворянская критика сочла его «бес-
смыслицей», некрасовская удачата, хоть отчасти
историческая значимость Пушкина, «бледней Бе-
линин», несомненно на свое иссогласие с миро-
воздремением поэта, изнался первым его истол-
кователем для широких читательских масс.

Пушкина по-настоящему поняли только
здесь, только в эти некрасовские, различные
кругах. Правда, Белинский сурохо осудил
аристократические тенденции некоторых пушки-
нинских творений, но он первый дал широкую
оценку всего его творения, первый прославил
Пушкина как великого гениста, великого национального художника, великого читателя рус-
ской национальной словесности.

Когда раз в ту пору, когда Белинский писал
свои знаменитые статьи о поэзии Пушкина, Некрасов был одним из его близких друзей, его единомышленником, учеником и со-
трудником. Эти статьи писались буквально на
глазах у Некрасова. Многие из этих статей
Белинский читал Некрасову в рукописи. Может быть он сомневался, что статейка эта пака-
жет в руки Пушкину? Но впрочем, Некрасову
в то время единомышленник Белинского и Нек-
расова было так велико, что статьи Некрасова в
«Литературной газете» часто казались про-
стым пересказом тех статей, которые готовил
Белинский в ближайшую книгу «Отечествен-
ных записок» Краевского. Можно было бы
документально доказать, что Некрасов всю
жизнь воспроизводил Пушкина «по Белин-
никову». Чертежи, схемы, даже письма, в своем
видении, в такой, сказать, языке, как Некрасов, со-
хранялись всеми нормами аристократической, «вы-
сокой», «благородной» эстетики.

Этому было, так сказать, предуказано то
восторженное-любовное отношение к Пушкину,
которое стало бурно проявляться теперь великая
советская демократия.

Медный всадник

Статья В. САВИЦКОЙ

Осенью 1833 года в Болдине меньше чем в месяц была создана эта поэма — одна из вершин не только пушкинского, но и всего русского, и мирового искусства.

В «Медном всаднике» менее 500 строк. У этой поэмы не меньшее количество толкований.

Еще Брюсов разделил исследателей истинного смысла «Медного всадника» на три главных лагеря.

Группа, родоначальником которой была Белинский, считала стихией идеей поэмы противопоставление отдельной личности колективной воле, истории, олицетворенной в Петре.

Для представителей символистической природы смысль «петербургской поэзии» раскрылся в столкновении язычества (Петр) и христианства (смиренный Евгений).

Третий считал главным в поэме прославление самодержавия.

Из более поздних толкований особого внимания заслуживает попытка Д. Д. Балагого рассматривать «Медного всадника» как запечатленное изображение событий 14 декабря 1825 года — декабристского восстания.

Оговоримся с самого начала. Как всякое подлинно величественное произведение искусства, «Медный всадник» не укладывается ни в одну схему.

Марксистско-ленинская критика лишь попытка к раскрытию всей глубины этого шедевра поэзии.

Мы ставим своей скромной задачей прочитать поэму глазами советского читателя, любящего Пушкина и понимающего его трагическую судьбу.

Голос мятежной юности никогда не затихал в поэте, хотя покорение декабристов, с которыми Пушкин был связан идино, заставило его искать пути соглашения с Николаем.

Пушкин догадывался, что главной причиной неудач восстания было отсутствие у декабристов поддержки народа. Отсюда его пристальное внимание в этот период к истории, к народу, к социальным проблемам. Нельзя не вспомнить здесь, что писал о «Медном всаднике» А. В. Луначарский:

«Эта генеральная поэма является самым высоким достижением Пушкина на фальшивом пути признания не только физических различий силы самодержавия, но и его моральной значительности. «Медный всадник» Пушкин отвечал и высоко ценил им Мицкевичу, поражавшему своим поэтическим громом «самодержавный кумир», и себе самому, ибо громы Мицкевича были, быть может, одни из самых сильных голосов, бунтующих

в тайниках души самого Пушкина. Но Пушкин действительно ставит этот вопрос гениально. Он поднимается, в сущности, до гегельской постановки вопроса, хотя он вряд ли имел о ней хотя какое-нибудь представление».

Двое в поэме друг против друга. Все средства приводят Пушкин, чтобы сделать одну сторону предельно величественной и мощной, другую — бесконечно эпизодичной и слабой. Двое поставлены друг против друга: жалкий чиновник Евгений и могучий царь Петр. Пушкин любил Петра. В ряде стихотворений, в «Полтаве», в «Арапе Петра Великого», в исторических своих записках он, не закрывая глаза на жестокость царя, восхищается его преобразовательной деятельностию и силой его личности.

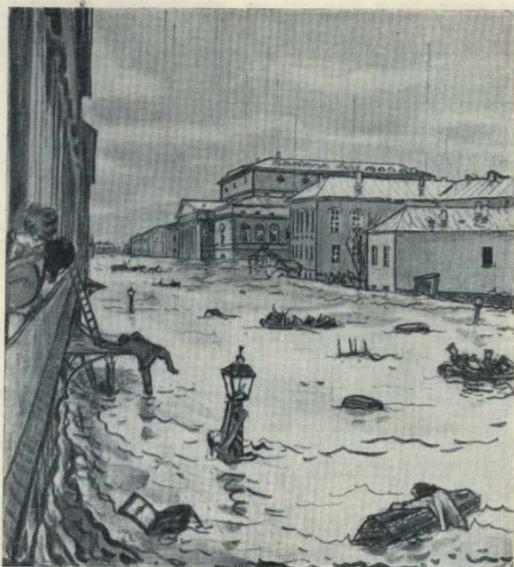
Вспомним бессмертные строки:

«Люблю тебя, Петра тверпенье,
Люблю твой строй, стройный вид...»

Петербург Пушкина — стройная гармония, созданная мощным напряжением волн из хаоса, «из тумы лесов, из топи болот». Гармония эта победила стихию, но стихия, окованная гранитом, не смирилась окончательно, она может взбунтоваться.

Вот почему эта гармония не только стройна, но и строга. Петербург — «воинская столица», сверкающая металлом, ощущенная остриями. И Пушкин восхищается ее воинственностью. Если для польского поэта Мицкевича войска на Марсовом поле — «как лошади в стойле, акующие сено», «как строфы беззариных поэм пустые», — Пушкин восхищает восхищенно и угрюмо:

Рисунок А. Беня

«Осада! приступ! Злове волны,
Как воры, лезут в окна. Челны

С разбоя стекла блют корой.
Лодки под мокрой пеленою...

садник

«Люблю воинственную живость
Печатных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красность,
В их стройной зыблевой строю
Лоскуты сиз азанем победных,
Сияние шапок этих модных,
Насквозь простираемых в бою».

Как, казалось бы, велик и прав тот, кто создал этот прекрасный город!

Кто же противопоставлен этому титану?

Работая над поэмой, Пушкин все умалет и умалет второго своего героя и все как будто не находит его достаточно малым. В первых вариантах Евгений богат, Пушкин говорит о роскошном его кабинете. Затем кабинет сменился чердаком. Обитатель его —

«чиновник бедный,
Задумчивый, худой и бледный...»

Но чиновник этот — потомок старинного, знаменитого некогда рода, о котором подробно рассказывает Пушкин. Позднее эти строфы отделяются от поэмы и становятся самостоятельным стихотворением — «Родословие» моего героя. О предках Евгения в «Медном всаднике» остается только глухое напоминание:

«Прозывания нам это не нужно,
Хотя вспоминши времена
Оно, быть может, и блестело,
И под первом Карамзина
В родных пределах прознучало...»

Пушкин пишет своего героя фамилии, рождовой гордости, ума и таланта.

Евгений в первоначальных замыслах Пушкина — «сочинитель», поэт.

«...Мой чиновник
Был сочинителем и любовником.
Как все, он вел себя не строго,
Как мы, писал стихами много».

Елегичная в кончайной поэме — совсем неизвестный, бедственный человек, созидающий свое ничтожество, убогое существо, изображенное Пушкиным сурово, почти суко, без всякой попытки разжалобить читателя.

Как же возможна борба (а борьба в поэме — это борьба со сущностью читателя), как возможно единоборство исполнения с жаждой возлюбленных неизвестной Парашы? Как может состязаться правда пигмия с грандиозным Евгением? И как случилось, что герой и бодрый иничтоженный Евгений произнаны всю поэму и заглушины «тижено-звонково скакавшими» медными всадниками?

А случившееся именно так, ибо не примиренность ощущаем мы, дочитывая последние строфы поэмы, но соглашаемся, не хотим мы соглашаться со справедливостью участия «закаленного безумца». «Произнительно-уничтожа» послед-

«И озарен лунною бледной,
Простерши руки ввышине,

За них несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне».

ние строфы «Медного всадника», и скорбные, глубоко-человеческие звуки их заставляют забыть о прекрасном и холодном городе Петербурге.

Пытаясь утвердиться в страшном своем времени, Пушкин бросает под колпака медного всадника «безумца» Евгения. И тот же Евгений застывает за него, так как в нем, этом «безумце», бьется часть души замученных друзей Пушкина, лучшая часть самого поэта.

И главное — никакой правды нет у злодейского всадника. Историческая правда, право на кровь и на жертвы, была у Петра, царя-преобразователя. Этого правда нет, не может быть у статуи, у «кумира», у «истукана», у страшного николаевского времени, у самого Николая.

Есть в этой поэме, совершенной, как портрет Рембрандта или статуя Микеланджело, одно место, где ничтожный герой ее дорастает до проэтого своего противника. Вспомним это место.

Безумец, оглушенный «шумом внутренней

тревоги», в блужданьях своих забред на площадь, где

«...прямо в темной вышине
Над огражденной скалою
Кумир с простертой рукою
Сидел на бронзовом коне.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли...»

Вспомним дальнейшие строфы, не имеющие равных по красоте и мощи мысли и стиля:

«Кругом подножия кумира
Безумец бедный обещал
И воровать и наесть.
На одеянии его золотица,
Стесняясь трущ его Чело.
К решете злаждый прыгнул,
Глаза подернулись туманным,
По сорду пламенея пробежал,
Вскочил врозь. Он мрачен стал
Прея горделивым истуканом
И в темноте золотицей спал,
Как обглоданый силой черной.
«Добро, спроекта чудотворный! —
Шепнула он, люблю задорожав,
Ужо тебе!...»

— Пушкинские Страницы —

Бесподный, бессмыслицей как будто мы
таким ничтожного человечка вызван такой
огромной болью, что Вадник, презиравший
восстание стихии, Вадник, гордо и непод-
важно возвышавшийся над волнами забыва-
вшейся Невы, удостоится ответом это
возмущение человеческого сердца. Медный
вадник мстит, а мстят только равнине. Евг-
ений

...Самоцвет за собой—
Как будто громогрохотанье—
Тяжел-звуком склонанье—
По потресканный мостовой.
И, озарен луной бледной,
Простирая руку в эмиграции,
За них несется Вадник. Медный
На звонко склучающем фоне...

Цензором «Медного вадника» был сам Николай, здоровавший эту «многоть» Пушкину. Высочайшей цензуры не пропустила поэму, потребовав исправления девяти мест. Пoэт внес только семь исправлений. Две места не захотел и не смог исправить Пушкин. Глаза им из них были приведены выше строфы.

Не только формальное совершенство этой строфы остановило руку Пушкина: совершенство стиха указывает здесь на глубину со-
держания. В этой строфе — ядро поэмы. Быт Евгения подавлен, но он закончен, он челове-
чески велич.

Нами уже упомянута попытка Благого пред-
ставить «Медного вадника» как «занапись-
ное» изображение восстания добровольцев.
Вряд ли это так, в точном смысле слова.

Мы согласны с В. Александровым¹: худо-
жественное произведение — не ребус. Не ал-
легория, но дух добровольцевский присут-
ствует в поэме. Дух этот — в членении оди-
ническое Евгения, в обличенности его буты-
ко все сумрачности этой трагедии.

Мы не случайно употребили слово «траге-
дия». «Медный вадник» — не поэма, не
новь, это прежде всего трагедия человека,
живущего в мертвую эпоху, трагедия самого
Пушкина.

Мы приближаем к облику Пушкина-оптимиста,
смело и бодро глядящего вперед. Так оно и
было в иные минуты творческих откровений,
когда поэт устремлялся вперед, в будущее, к
грядущим читателям и друзьям.

Но ведь была еще другой Пушкин — Пушкин,
измученный цезурой, материальными
затруднениями, камер-консервским музейным
сторожом «многоть» Николая, не отпуска-
вшим «его от себя». — Пушкин, запертый в Рос-
сии, задыхавшийся в гластрономическом воздухе гне-
тущей действительности.

Вместо «алефоза» поэма прозвучала скорб-
ным укором. «Медного вадника» не должен
был пропустить Николай — не только из-за
отдельных «хроматических» мест. Вся поэма бы-
ла приторочена и осуждена николаевской
властью, попирающей живого человека.

Вспомниме внимательнее в скобине, муке-
стенные строки «Медного вадника». Мы
увидим страну пустынную и промысловную,
как почной Петербург, увидим огромную, ра-
стущую черную тень на снегу, мы почувству-
ем весо ужас, сиятье и одиночество пресле-
дующего человека, всю трагедию поэта, четыре
года спустя раздавленного николаевской Рос-
сий.

Е. ПОПОВА и В. ЯХОНТОВ *

Артистический стих

(Об исполнении Евгения Онегина² А. С. Пушкина)

Наша предварительная работа над стихом Пушкина состояла в том, чтобы выяснить, каким образом можно передать в поэзии его произведения глазами советского человека. Читая Пушкина, мы старались целиком найти наиболее верный и художественно ценный способ пропоновки его стихов аудиту.

Нужно путь стихов с прозой. Стихи — это особый способ выражения мысли, заключенный в строку форму стrophы, размера, звучания. Исполнители пушкинских стихов очень часто превращают их в прозу, в другом случае рифмованную, забывая ту простую истину, что поэту в таком случае незадача было трудиться и писать стихами.

Пушкин, по замечательному выражению В. В. Маяковского, был «веселым зоологом на великом празднике бранкосочетания слов». Отсюда и первое требование к исполнению стихов Пушкина легкость, изящество, блеск, т. е. сохранение тех качеств, которые Белинский определял понятием «артистическо-го стиля».

Мы внимательно читали «Евгения Онегина». Работая над этой поэмой, мы обратили внимание на то, как Пушкин, обогащаясь с пред-
метом, который он описывает, выделяет различие между оттенками один и того же слова. Это необходимо иметь в виду при произнесении пушкинского текста вслух. Вот характеристика Ленского:

Он рошь полюбила густые,
Уединенные, и звуки, и луны,—
И ночь, и звезды, и луны,—
Лягуш, небесную алавашу,
Которой посыпалась ми-
Прогулки средь вечерних тьмы,
И слезы, тайных мук отрады...

Здесь награждены неизбежными «романтическими атрибутами поэзии» (ночь, звезды, луны) с упорным повторением частички «и» соз-

* Авторы статьи — артист В. Яхонтов и режиссер Е. Попова — к пушкинским дням подготовили спектакль «Евгений Онегин».

дается слегка ironическую ноту по отношению к Ленскому и рисует Ленского восторженно-романтическим, многословным, что явно не одобряется автором.

Но какая торжественная замедленность ритма, какая глубокая лирика, какая предупреж-
дая проза, опущается в строке, посвященной Татьяне, гермине романы, образу, оззи-
ному выражению народной поэзии!

«Она любила на балконе
Предупредить заря восход.
Когда на бледном бородоскалье
Звезды засияют ярко-блестя.
И тихо край земли светает,
И вестни утра, ветер веет,
И исходит постепенно день.
Зимой, когда начнет тень
Полимир дома обладает,
И дома в празднике тишине,
При отуманной луне,
Восток ленивой почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала с синевы она».

Если вы при произнесении этого стиха сле-
даете в последней строке ударение на слове «синевах», они прозвучат у вас легким, как
воздух, как пламя свечи, и чуть перекликнется
со словом «час».

В VI главе романа, где описана дуальная Озе-
ния с Ленским, голос поэта поднимается до
глубочайших трогательных нот. Автор как бы
не имеет силы развести и спасти своих ге-
роев, и в этом смятении, в беспомощности глубине
они не могут уже «разойтись полобоями». Свет
с его предрасудками, сплетнями, понятием че-
сти тяготит над ними. Условности света не
позволяют двум друзьям по-человечески об-
ясняться и — убийство совершается.

Конец VI главы романа носит следы глубо-
ких размышлений автора:

«Так, подено мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, книжу я.

Дуаль Онегина с Ленским. С акварели И. Репина.

¹ См. его статью о «Медном ваднике» в № 19 «Литературного критика» за 1936 год.

² А. С. Пушкинские Странники.

Иллюстрация П. Соколова

к «Евгению Онегину»

Таким образом, отговаривая Татьяну от замужества с ним, Онегин, как говорит Пушкин,

«...тут явил

Духи прямое благородство».

Татьяна в последней сцене об京城ии с Онегиным разделает с Пушкиним это мнение. Она говорит Онегину:

«...в тут страшный час
Вс поступили благородно,
Вс были правы предо мною:
Я благодаря всей душой...»

Не следует также упускать из виду, что Онегин бережно хранит письмо Татьяны:

«Та, от которой он хранил
Письмо, где сердце говорит».

Можно смело утверждать, что Онегин с первого знакомства с Татьяной почувствовал единство в натуре. Онегин спрашивает Ленского в III главе романа:

«Скажи, когда Татьяна?
— Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Восла и села у окона.—
«Неужто яблони в албене?»
А что? — «Я вибрал бы другую,
Когда бы я был, как ты...»

Но будучи чужд понимания живых человеческих характеров, Онегин, как и Ленский, с ее «молчанием воображением», с ее «запитой волей», «свирепой головой» и «сердцем пламенным и нежным» рано и поздно побывает его духовную несостоятельность и, продолжая, будет, может, его любить, станет несчастливым, разбитым человеком. Еще в начале романа он любит ее «любопытство брата» и «может быть еще немножко». Установлено это минутами. Онегин увидел Татьяну на базаре блестящей светской лавки, влюбился в нее на простого тщеделия, «яж малярка», должно быть отвергнута. Симпатия к Татьяне уже давно зародилась в его душе. Она всплынула в конце романа ярким пламенем страсти и «безумных сожалений», ибо

«Убийца подсмеши друга,
Доводя его без борьбы
До защите чести, гордыни
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без лас...»

«огненный беспокойством» и «хотят к погрому мести». Онегин на протяжении всех трех пустых лет зрячи воспоминание об единственном свете и ценном событии в его жизни — письме от большого и целиального человека, Татьяны Аариной, и встреча с ее на базаре. Татьяна ревниво и с любовью смотрела на свою первую любовь, и Онегин, не сознавая причины, поглощен Татьяной, образом, Пушкин, питая симпатию к Онегину, пишет: «Онегин — язвлив, породивший современным ему обществом, а с ееей страстью, гневом и неправильно обиженным именно на ее самого обществом».

Пушкин смело называет вещи своими именами:

«Вашний свет — «черьльо».

Крепостное право — «барством диким, без чувства, без закона».

Москва — «юмаркой невеста».

Головановским посланием барона Геккерля — «спасительная спасательница».

Вишнуди анты — «чевольчо».

Свет раскапывается с почтом за эти эпитеты — раскапывается насмехой.

Тема — опущенное и опустошающее свете звучит в VII главе Онегина:

«Татьяна вслушивалась жадея

В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает

Такой бесессияний, пошлый вздор;

Все в них так бледно, равнодушно;

На так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!»

Чувствуется усталость Пушкина. Поэт боится

«ожесточиться, очерстветь,
И, наконец, окаменеть
В мертвящем уединье света,
В сеном сумте, где с вами я
Купаюсь, мылья друзью!»

...

Работая над «Онегиным», мы подходим к этому роману без предвзятости и задаваемся вопросом: как же выразить тему в виде другого образа? Чем все напали, глядели?

Трагичность образа Онегина заключается в том, что социальная категория, которой он принадлежит, дает ему возможность ничего не делать. Бездействие — страшный его удел. Оно тяготит его. Отсюда и хандра, о которой Пушкин говорит:

«Хандра ждала его от страже,
И богала заnim она,
Как тема, на ворина жена».

И в конце:

«И в молчаливом кабинете
Ему припоминалась пора,
Когда юстюсова хандра
Знам глядела в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла,
И в темный угол заперла».

Но даже эта черта является для Пушкина Онегина не средоточием сатирического смысла, а жертвой перенесенного недуга. Поэтому Пушкин, как и автор «Онегина», «отстав от стула», «с ним подружился в это время». Но все же Пушкин всегда зрадил заметить разность между Онегиным и мной». Не надо забывать, что Пушкин был профессиональным литератором, для которого поэзия была единственно средством и существом.

Теперь рассмотрим образ Онегина как Татьяны. Было приятно считать Онегина паркетным шарупом, который, получив письмо Татьяны, гордо встал в позу беспестрашного ревизора и прочел Татьяне письмо за ее неспособственность и неумение «соблюдать власть». На самом деле это — ошибочно представление, потому что,

«Получив послание Татьяны,
Онегин жаждет пропустить быль,
Избавить от заслуженной казни,
Всем духом роем возмущаться...
...Быть может, чувствует пыла старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть я волю хотел
Доверчивость души невинной...»

Онегин.

Они клевещут даже скучно;
В бесплодной сухости речи
Рассоряют любовь в цветах,
Не вспомнят мыслей в силах сутки,
Хотя певчий, хоть забыт;
Не ушибется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.
И даже глупость смешной
В тебе не встретишь, свет пустой!»

В этой же главе Пушкин рисует печальную картину продажи Татьяны в рабство «толстому генералу»:

«Так мыслы ее дремлют бредит:
Забыт и свет и шумный мир,
А глаз меж тем не сходит
Какой-то ванький генерала.

Лягут драмы, вспомнили,

И скажут Тамо враз томкунам,

И вспомнят письма ей.

— Надеялъ лишь поскорей.

— Надеялъ лишь что там такое?

— Ну, что бы ни было, гляди...

Вот лучше видишьъ впереди,

Там, где еще в музыке дремут...

Вот отвечаетъ Тамо генералу...

«Хто? Генералъ этот генералъ...»

Еще несколько слов о героях романа. Много вспоминается и первое было сломано генеральской сластолюбием Татьяны. И даже теперь некоторые проследившие вульгаризаторы пробуют «разоблачить» ее «меланжевую судьбину». Но зададим им вопрос: что они требуют от Татьяны? Кто может она поступить иначе в условиях того времени? Это же не «меланжевая судьбина», это же не «меланжевый человек», если ты хочешь другого? Но что же значит также, что мы обязаны «разоблачать» несостоятельность морали Татьяны по той пространности, что лицо наши, советские девушки имеют полную возможность выбирать себе любимого по сердцу.

...

Огромные социальные ценности заложены в романе Пушкина. При неизменном, повсеместном чтении и изучении вульгарным исполнением Пушкина эти ценности могут легко исчезнуть с поля зрения.

Предстоящее пушкинское дни счастливо спадают с началом 20-го века. Великая революция. Любимый воин народов Иосиф Виссарионович, князь слово каторги, проповедник свободы, увлекавший к труду и счастью человека, тем самым подготовивший базу самого великого Союза советских социалистических республик к правильному восприятию замечательного наследия, которое оставил нам наше величайшее наследие.

В подвале Гестапо

Рассказ Вилли БРЕДЕЛЯ

Доктор Биаль, следователь, спросил, может ли он говорить открыто, не поддавшись

штутгартфиордеру. Мутце уверил его, что он может говорить свободно. Тогда следователь заявил, что он не располагает должностным общественным обязательством материала и — что

всего — у него нет свидетелей обвинения.

— Гм... Скажите вам нужно свидетелей?

— По меньшей мере три.

— А какие показания они должны дать?

— О, они должны освободить только три монстра! Во-первых, что обвиняемый был освобожден о готовящемся подложке рейхстата. Во-вторых, что он участвовал в подготовке к вооруженному восстанию. В-третьих, что обвиняемые примерно с 1933 года лично руководили различными политическими убийствами, вырывая из рукничков и польдешефов. Думаю, этого хватит.

Следователь стоял у двери как просят, судорожно скимая подложную папку с делами. Мутце искоса взгляну на него: «Эти люди все еще в большей степени юристы чем националь-социалисты».

— Как зовут?

— Доктор Биаль, следователь при имперском суде.

— Когда вам нужны свидетели?

— Как можно скорее... Потому что, если эмм...

У Мутце мелькнула мысль: «Этот юрист производит неприятное впечатление. Старая школа. У него в голове параллели с концепцией». Нужно его прокрутить слегка. Он башарко подходит к следователю и с удовлетворением метта, что тот аронит.

— Почему вы пришли ко мне? Именно до эмм?

— Я думал, господин штутгартфиордер,

что вы сможете мне помочь.

— Ах-ха! Вы думаете, я могу распорядиться личиной забыть редостей, из которого в лю-

1 Чех высшего начальника штурмового «Генда». Примечание переводчика.

бой момент можно изъять свидетелей обвинения?

— Нет, господин начальник, эмм...

— Но здесь ведь Гестапо и концентрационный лагерь.

«Он лучший фасист, чем я предполагал», — подумал Мутце. Он стал вглядываться в Биала. Благодаря длинному, узкому лицу, помятому, но умному. Вероятно, имеет большой успех у женщин. Бросающиеся в глаза белые руки с длинными тонкими пальцами. А поза все-таки являла. Старая школа — ни смысла, ни крепости...

— Свидетелям нужны зам тогда же?

— Как... как вы понимает?

— У вас будут свидетели обвинения.

Спустя несколько минут перед штутгартфиордером и следователем стояло досить пустое место за столом. У одного из них в руках через всю цепь тянулся широкий красный рубец. Штутгартфиордер начал отечески:

— Погодите, я, из вас не помню, что обвиняется, ваши попах, да на секретном заседании приказы начинать вооруженное восстание, когда в Берлине заговорится рейхстаг?

Заключенные смотрели на него широко раскрытыми глазами. Особенно тот, у которого на лице еще были шрамы.

— Так-ак! Значит, никто не может вспомнить?

Молчание.

— И никто из вас не слышал, что было дано приказание убить как можно больше националь-социалистов?

У человека со шрамом блестели капли пота на лбу.

— Штутгартфиордер? отведите их анти, в подвал!

— Слушаюсь, штутгартфиордер. Валить пле-ти и многотрудие?

— Нет, винтовки.

— Слушаюсь!

Следующий плененый склонился скованный под-

2 Штутгартфиордер — начальник штурмового отряда.

вал. Ничего кроме гладкого серого камня. Символ для узких решетчатых окна пронизал сумеречный свет.

Доктор Биаль озирался. Он еще больше побледнев.

Мутце подходит к заключенным. Он слышит их дыхание. Глаза их неестественно широко раскрыты, пристальные взгляды направле-ны на него. Странно, в эту минуту все они похожи друг на друга. Понятия не имея от-личий от копии.

— Вы помните, о чём я вас спрашивал?

Никакого откликса.

— Извольте отвечать, иначе худо будет.

Молчание. Ничего кроме хрюканья дыхания и гладких исподлобья.

— Ты тоже? — Мутце указал на одного. — Ты же знаешь, что он...

Начальник отряда не успел закончить фразу...
...
— Нет!

— Охранники!

Тroe охранников, вскочив, щелкнули каб-луками.

— Застрелирай! На месте! Там, в углу!

Охранник вытащил из руки заключенного. Тот, не сопротивляясь, лежал отвести себя в угол.

Короткая команда. Выстрел. Заключенный беззвучно падает.

— Кто из вас ответил сейчас же на мой вопрос?

Самшлюп, как стучат зубы. Молчание.

Тогда начальник отряда останавливает свой взгляд на втором.

— Ну, а ты?

— Я на самом деле ничего не знаю... из самого дела...

«На редкость глупый человек. А может быть, он притворяется?» — думает Мутце.

Он делает знак охранникам.

Второго заключенного ведут в угол.

— Я действительно ничего не знаю... — бормочет он, — я на самом деле...

Короткий треск выстрела. Под потолком клубят порохового дыма.

Глаза человека со шрамом дико испытывают. Мутце обращается к нему с тем же во-просом. Не дожидаясь приказа, заключенный напоминается в угол.

Молчание. Всю голову он повернулся к Биалу. Глаза смотрят в угол, где шире и глубже зияет заключение. При слабом освещении лицо его отливает зеленым. После выстрелов он начинает испепелять:

— Боже мой, что вы делаете?

— Иду я вам сандвичами обвинения.

Четвертый из заключенных, наконец, сдал, что он знает о подложке рейхстага... о восстании, об всех убийствах... Непосредственно за этихи он добавил, запинаясь, что у него семья, трое маленьких детей. Следующие два человека тоже «знали обо всем».

Мутце приказал записать имена всех трех, подозвал доктора Биала и ободряюще сказал, ему на обратном пути:

— Нужно раз наследа положить конец гу-мен-альберманову ведению процессов, иначе мы никогда будем находиться в таком положе-нии. По возможности лучше свободы избежать процессов. Но, если избежать нельзя, нечего бояться солдат! Теперь у вас имеются сви-детели обвинения. Проницательно! Их хо-рошевенько!

Потом он отвел в сторону штутгартфиордера:

— Застрелирай остальных четырех!

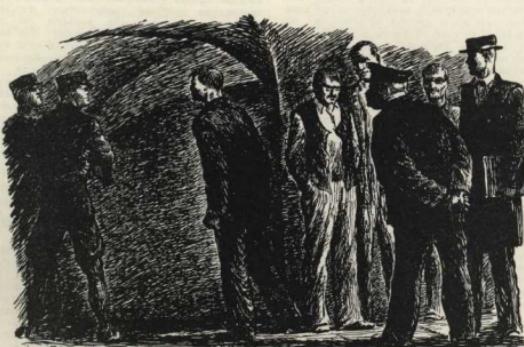
— Слушаюсь!

Когда кончится процесс, позаботьтесь о том, чтобы эти трое свидетелей из рассказов или из устричных советов повесились.

— Слушаюсь!

Когда доктор Биаль отмаялся, Мутце ре-пек, что эта небольшая экскурсия в подвал Гестапо, наверняка, помогла следователю по-настоящему постичь сущность националь-социализма.

Перевод с французского
М. ВЕЛЬДОВИЧ

...Не дожидаясь приказа, заключенный направился в угол...

Профессор А. Д. Сперанский (в центре), автор теории нервной трофии, в своей лаборатории.

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

БУНТ И УСМИРЕНИЕ НЕРВОВ

Ш. НЮРЕНБЕРГ

МЫ ИЩЕМ ВРАГА

Тонкий и сложный инструмент — мозг человека. Он командует пальцами пианиста, руками забайкальца, глазами снайпера. Он работает бесконечно. Даже во сне смутные, разрозненные видения рождаются в дробном хаосе. Но вспоминая первые годы, слегка ироничный рассказ.

Впрочем, и如今 ^у мозга много дела, помимо сказок сна. Сердце работает, легкие вдыхают воздух, кровь забирает кислород и разносит его во все концы тела. Ну и управляет всеми этими процессами, иначе человек умрет.

Могут ли болезни. Всемирно его испытывают беспредельно. Он дышит стройной симфонией, называемой жизнью.

Но беда, если болезнь нарушит обычную работу нервной системы. Не умрет, но изможденная, она может начать слать гибельные призраки. Дирижер не оставит пульта, нет! Он сопел с ума. Струны, гармоничных медленных звуков, дикий баффонизм.

Человек думает, работает, спит — мозг будто честно исполняет свои обязанности. Но, кроме этой деятельности, нервные центры должны вести отримную «организацию и ациллюзию» работы. Они управляют целой страной. И аритриты, несущие кислород и лейкоциты, длинными извилистыми алазантами, проникают в мозг, как в поезд, очищающие, фильтрующие, арестуя вспышки, пронесшиеся воздушным тканью легких — все это граждане страны, которым нужно воровать, которым надо руководить. Эта область работы называется трофической функцией нервной системы. И здесь нервные центры иногда по исполнению еще не проявляют никаких патологических процессов.

Есть, например, болезнь гангрина спонгия. Начинается она с гангренозных язвений в каком-либо органе, скажем, в руке. Руку приходится удалять. Операция кончается

лася благополучно. Больной выходит из операционного стола, и гангрина несущие снова поражают ногу. Человек вновь лежится на операционный стол. А через год или два опять возвращается таинственный враг-невидимка. Когда-то в подобных случаях говорили: «Разум бессилен, это — божий проклятие». Но ум человека не мог привыкнуть с таким обстоятельством. Он стал упорно искать врага.

НЕВИДИМКА

Доктору Сперанскому, одному из учеников некоронованного короля мировой физиологии Ильи Петровича Павлова, часто приходилось прилагать усилия, чтобы собаки отыскали участки кожи головы, пораженные гангриной. Операции обычно проходили легко, и прошивший после наркоза, животное довольно быстро возвращалось в нормальное состояние. Но иногда оно осталось лежать. Собака вдруг заболевала и спала несколько часов умирала в тяжком эпилептическом припадке.

Когда у Сперанского подвергалась несколько раз операции, он предложил для операции «заключить» участок мозга, приобретя к помощнику пока. Для этого нужно удалить kostную оболочку и приложить искусственно охлажденный предмет к дому мозга, которую необходимо убить.

12 августа 1925 года Сперанский проделал операцию на себе, и через час умерла непредвиденная осложнение. Мышцы и языка собаки стали судорожно поддергиваться. Через полтора часа животное лежало на полу, причем ноги его совершали правильные, все ускоряющиеся движения, точно собака быстро бегала по земле. Ритм болезни непрерывно учащался, и через 14 часов 30 минут собака погибла.

Наиболее очевидно ясно, что то, что делалось с телом животного, было только зеркальным отражением разрушений, происходивших в центральной нервной системе собаки. Но что вызвало эти процессы?

ДВЕ ДСГАДКИ

Можно было сделать такое предположение. Холод разрушал первые центры. Обломки раздробленных костей, двигаясь вместе с жидкостью циркулирующей в мозгу, наносят сокрушительные удары на нормальные нормальные kostochki, заставляя их послать тему сумасшествия, гибельные призраки.

Однако новая серия опытов заставила отвергнуть такое объяснение, и вот по каким соображениям.

В работе моих юных животных опровергнута идея отшел, который ученым называют рефлексом. Кости удаляют другими отъемами нервной системы. Она иннервирована испечено канализующие, умеряющие тепло. Она защищена черезсерус быстрые, «нерводуальные» реакции организма.

Мы наглядно убедились в этом, наблюдая за поведением юного. Алогоса обходится его подкорковые центры от «умных», сдерживающих любых хоры. И вот любая причина приводит юного к равновесию. Пыльца брасается в море, не умея плывать, ари лежит в драке,ничтожная обида кажется ему страшным оскорблением.

Все, что мы рассказали, имеет самое близкое отношение к опыту Сперанского.

Когда собаке, погибшей в памятный августовский день 1925 года, замораживали участок мозга ее головы, услыхали. Опыт производился под сложным наркозом, под воздействием коры головного мозга. Он учитывает успокаивающие токи, посланные корой.

Если же замораживать мозг, усиливая собаку наркозом без морфии, картина меняется до неизвестности. Опыт не дает никаких печальных последствий. Бег на месте, судороги и в конечности стече смерти подзывают только в присутствии морфии.

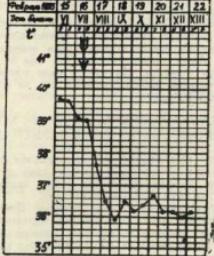
Почему?

Очевидно, приходит отбросить мысль о разрушительных обломках костей, лежащих по мозгу. Ведь ясно, что состояния наркоза не может влиять на такое механическое действие. Возникает другое предположение: здесь есть другой, будто бы незнакомый, нервия бутра. Суперволнистый коронарный мозг, расположенный в области мозгового желудочка. С последними капиллярами тела исчезают из них жизнь, и, умирая, клеточки шлют катартическую нервную волну.

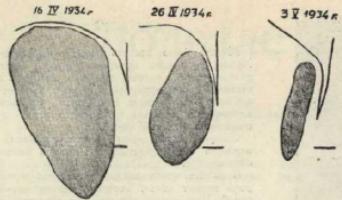
Но как ни симптом первый порой есть еще скоты, которые могут ею остановить. Успокаивающие токи струятся от коры мозга, задерживая нервный взор.

Но что же это значит? Если морфий усиливает мощные успокаивающие силы в тот момент, когда они больше всего нужны организму? Тогда будь бы краинко с каким-нибудь минутой, и уже никто не будет и слых оставить ее, даже проснувшись коры мозга.

Вот вторая догадка, которая родилась в умах физиологов.

На этой диаграмме показано резкое падение температуры мозга больного сыченым гигром сразу после бурситории.

После букирования селезенка малырчного больного уменьшается в размере. Слева на рисунке селезенка до букирования. Справа на двух рисунках селезенка после букирования.

ЧТО МОЖЕТ НАДЕЛАТЬ ОДНА КАПЕЛЬКА ФОРМАЛИНА

Опыты показали, что смертоносная нормальная прыжка может возникнуть от самых нитячих причин, например от одной капельки такого безобидного вещества, как формалин.

Капелька вводится в полость зуба. Потом экспериментатор помогает капельке проникнуть в нерв.

Бывает иногда кончики слизи болезнены. Постепенно животное становится вздрем и апатичным. Собака не хочет двигаться, теряет аппетит. У нее появляются местные параличи. Она съедает с насыщенным лицом и, наконец, гибнет.

Вскрытие показывает далеко зашедшее изменение: что ли не все внутренние органы. Целые доли легких, точно губка, пропитаны кровью, выварившиеся из многочисленных разорванных сосудов. Из язвленных желудков. И все это надела на один вздрем сформалина!

ПУТИ БОЛЕЗНИ

Однажды с капелькой формалина по-новому освиста либо один из многих болезней. Вот как мы его представляем теперь.

Все это — лишь одна капелька взрослого мира. Но вот появляется врач. Он подкладывает к первому окочинанию — троцкичной премией радиостанции. Лейкоциты проигрывают опасность. Юркий, язвущий, стремительный микроб нашел клетку, построенную из изумительным мастерством специально для того, чтобы воспринимать малейшие изменения внешнего мира. Он нападает на одну из миллиардов мышечных клеток, находящихся в организме. И, разорвавшись, она посыпает юношу о помоях из изменившийся ток колоссального, сравнимого с объемом, напряжения.

Человек еще ничего не чувствует. Ведь затронутое лицо одно из миллиардов первых окочин. Но болезнь уже началась. Тот же стечеие воспринимающей клетки и мучит дальше. Одна первая клетка за другой «спускает» ученых на путь болезни, страданий. На теме появляется сам. Тяжелый, налившийся «спинтом» головы. Становится хрупкой и слабой тканью легких.

Работы Сперанского позволяли гораздо глубже заглядывать в истинные причины болезни. По-новому предстала здесь роль первых клеток. А люди увидели врага. Они еще не умели с ним бороться. Но узлы на протяжении, что появился, характер — разве это не есть помощь победы?

СКАЗКА О ЗВЕРЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ПРОСКОЧИТЬ ЧЕРЕЗ БАРЬЕР СНА

Так началась бой. Но прежде чем описать его, нам хочется рассказать о злом духе, который не сумел обмануть своих сонных часы — сонные часы, распущеные на дне.

Столбняк — неизлечимая болезнь. Достаточно заснуть под кожу столбнячий яд, чтобы животное заболело и погибло. Раньше думали, что столбнячий яд распространяется по всему организму, шаг за шагом отравляя его. По теории Сперанского, болезнь может протекать иначе. Всего лишь яд, который дозируется, как? Яд поражает первые окочини, заставляет их покинуть гибельный лесной ток.

«Ну, а что, если попробовать преградить путь смертному импульсу», — подумали физиологи, — заставить нерв заснуть? Тогда сигнал, поданный воспринимающим окочинанием, не добьется до мозга и замрет в пути. Значит, не возникнет и болезни.

Так был задуман опыт. От исхода его зависела судьба всей теории. Столбнячий яд был вприснут собаке вместе с сонным импульсом. Убедившись, что яд действует, физиологи усыпили Яд, который в обычных условиях убьет бы живое, оказался беспасилен. Зверю не смог проскочить через закодлованное, сонное царство.

Видимо, столбнячий яд, минуя, капелька формалина только захватывает механизм болезни, а дальше первая система сама раздувает пла- ма.

Стопт занялся этот опыт. Мы еще видим, какие чудесные вещи научила человек извлекать из свойств нововведения усыплять, приставливая работу токов или иных участков нервной системы. Мы еще встретимся с этим оружием, выкованным в лабораториях советских физиологов.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Итак, медицина лечила кости, мускулы, почки, печень, сердце. Теперь ей предстоит научиться регулировать работу нервов. И первые пути в этой неведомой стране советские учёные отыскали спустя ощущую.

Физиологии научились открывать дорогу в тело различными химическими веществами. Ширши и другие химические вещества, которые раньше во всех полостях, протоках, каналах нервной системы появляются. Восползаившиеся ими, вещества, которые крахи пронести по соединству с нервами, стремительно приходят в обычно закрытую, малодоступную для них страну.

Шприц в руках физиологов — верно действующий инструмент. Нужно было только научиться использовать его.

Лечение шло так. Большому вводилось в тело лекарство. После этого архип производил букирование (несколько раз втягивал и выдавил обратно 8—10 кубиков спинномозговой жидкости), облегчая этим путь лекарству к цели битвы — к нервам.

Так стали лечить при тяжелых случаях сдавливания корня других нервов. Новый способ медленно шаг за шагом избавлял своих позиций. Но изряду с десятками случаев сдавливаний корней, обремененных на смерть, были и такие случаи, когда болезнь обострялась. Тогда учёные остановились и проверяли оружие. Смерть большого — это самое тяжелое испытание для ученого врача, ищущего нового. И вот наступил день, когда и у великого Пастера и Амьестра, открытия которых спасли жизнь тысячам людей, тоже были случаи лечения, окончившиеся смертью.

И все-таки человечество продолжает свое наступление. Мы хотим только, чтобы победы наши стоили меньше человеческих жизней, чтобы не больной, а малой кровью завоевывалось человеческое счастье.

Однако, несмотря на заслуги заслуженного позицию, двигаются советские учёные, предводительствуя смелым исследователям, ученикам великого Павлова, профессором Сперанским.

Но даже при большой настороженности надо было признать, что новый метод давал прекрасные результаты.

Даже самые тяжелые случаи склерозизма, даже острый рецидивизм, склонны и лузгать болезнь, часто отступая перед новыми оружиями.

Излечения рецидивизма, врачи столкнулись с новым явлением. Оказалось, что иногда достаточно одного букирования, без заледенения в тело салингина натрия (меркаптана), чтобы вылечить человека.

Букирование само по себе под воздействию

массажа мозга, новый раздражитель, который действует, нарушая цепь болезненных возбуждений.

В Персии и Туркестане водится несколько видов клещей, переносчиков бактерии спирохеты саганум. Попав в тело человека, спирохета саганум вызывает своеобразную форму болезни типа тифа. Еще в 1912 году ветеринарный врач Д. А. Григорьев нашел возбудителя этой болезни. Но где-то в то время люди не знали методов борьбы с ней.

Букирование резко обрывает тиф.

Она стала огромного торического труда, стала новой, возникающей на наших глазах теории медицины. Тысячи собак, кроликов, кошек погибли под ножом физиолога. Может быть, некоторые случаи букирования не обличались обрывом жизни болезни. Ведь люди еще не знают всех особенностей этого морского оружия! И все-таки, говорят мы, стояло браться за оружие. Стоило рисковать, творить, ошибаться, потому что открыл верный путь, большая дорога побед.

УЧЕНЫЕ ВОЗДВИГАЮТ ПЛОТИНЫ

Букирование оказалось прекрасным средством, но учёные пользовались им опушью.

Значит, надо продолжать поиски.

Нужно было научиться строить дамбы вроде тех, что оградили озеро Байкал от засухи и наводнений. Временные дамбы. Пройдет засуха вода, и их можно снять. Но из чего строить сооружения, которые должны быть водонепроницаемыми? Какой химик найдет невесомый, непроницаемый материал? Какой инженер согласится сооружать плотины не на зарушене целикой, мешкавшей, плакучей ткани?

Человечество отыскало и инженера и химика. Имя его —сон.

Невесомый, невидимый, непроницаемый сон, преграждающий дорогу первым тозам...

Вы помните, как врачи усыпляли нервов, и окончание его, раздражение, столбнячным ядом, делалось невспримимым к гибельной вещи? Благодаря сну, сон спасал от болезни. Но вот однажды — уже попало в мозг. Оно передается от клетки к клетке. Оно мчится по кругу во все более нарастающем темпе, нарушая работу органов тела. Что может сделать тогда сон?

Представьте себе, что валиш, который изображен на первом рисунке — это первая система человека. Круговые линии — наркотические волны, которые вредят, проложившие себе прочную дорогу.

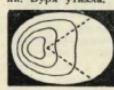
Что, если попробовать вместо сна из второй части первой системы, усыпить ее?

Часть мозга усыплена. Воздвигнение (нервная буря) не может пройти по старым дорогам.

Тогда этот участок станет непроницаемым для самой сильной нервной бури. Они изменят направление, пойдут по другим, здоровым путям клеткам, теряя свою пагубную силу.

Механизм болезни разрушен. После этого можно снять блокаду. Нормные токи ослаблены, изменены, и потеки они не по путям болезни. Буря утихла.

Блокада снята, но механизм болезни разрушен.

Врачи начали проводить лечение по этому новому способу, усыпляя новоканином значительную часть нервной системы, пользуясь методом анестезии, разработанным в клинике А. В. Вишневского.

Работа велась теперь в десятках больниц. Опыт ширится, огромное советское дело. Из многих городов Свердловской области о результатах лечения.

Сталинградский доктор Крамаров попробовал применять блокаду при раке пищевода.

«Во всех случаях», — пишет он, — пищевод оказывался до того суженным, что мог пропускать только жидкости. После лечения проходимость пищевода стала быстро восстанавливаться, и на четвертый день больные уже были переведены на обычную диету: мясо, хлеб и т. д. Рако удачливо находил общий составление — один шаг приближался к исцелению».

Фраза «один шаг приближался к исцелению» блокады Еслам верна теория, то сон должен явиться к человеку, творчество, побеждающее смерть! Да здравствует сила изумки, которая «сильнее смерти»!

Блокада излечивала глубокие поражения ротовидного человеческого глаши. Она становилась на пути надвигающейся слепоты, и ночь, уже скутавшая человека, сменилась рассветом.

Один старый советский учений, воспитанный на классической медицине, мог только удивленно сказать: «Я этого не понимаю, не понимаю, никогда не понимаю, что это замечательно».

Блокада применялась во многих областях. Со-трудники Свердловского института изучали этот метод при гангрене легких. У одного из пациентов рентген обнаружил в легких полость размером с кулонье яблока. Через 20 дней после блокады полость затянулась, исчезла, превратилась в незначительное помутнение.

Большине тонули в склонах золотом сне. И люди начали думать о борьбе с одной из самых страшных и беспредельных из них, окруженной клубком мрачных легенд и суеверий, — о единоборстве с проказой.

ОРУЖИЕ ПРОТИВ ПРОКАЗЫ

На земном шаре есть четыре миллиона проказников. Четыре миллиона людей, которым природы подарила смертельный приговор.

«Быть может, — думали ученики Свердловского, и проказа является особой формой нервной параличии?» — спросили ученики этого же самого университета, и блокада, созданная методом дозированной химиотерапии, блокада прорвалась в первую и парализовала его. Но пусть гангрена подорвала, обслабила. Бацилла промолчала к нему путь, сделала свое дело. И теперь она только помогает процессы, которые развязываются в ее помощи.

Взбунтовавшиеся нервы изымали образование бугров, разрушение костей и кожи. Человек теряет ощущение тепла и холода. Болезнь поразила почки, сердце, все внутренние органы.

Но если так, может быть, сон — новоканиновая блокада — сумеет остановить катастрофическую волгу?

Доктор А. В. Вишневский посыпал в советский мелородор (бальзам для проказенных) «Кортик ручью», чтобы проверить это предположение. И первые же месяцы принесли победу.

В проказе самыми опасными являются моменты, когда болезнь вдруг убирает свою поступь. Это часто кончается гибелью больного.

Блокада резко обрекала такие обстоятельства. Состоние болевого улучшилось не сразу. Каждую волны первой бури разбивались о соплеменные им волны их сломить, и все слаще становится из бесценной реликвии.

Вот и последнее, что мы хотели рассказать в этом открытии о бунте и покорении первых, о молодости новой великой науки борьбы со смертью.

Десятиклассники.

Фотограф И. Гущина.

ГЕРОЙ М. ДАЛЬЦЕВА

Как быстро надоедает все обыкновенное! Стараешься, стараешься, из юного лесенек, чтобы держаться раньше, а потом — хоть все пропадай. Даже слово подходящее сказать трудно. И разводище... Будто в своей жизни как к тебе относится не заинтересован. Все это долго может гнить в тебе.

Вот со мной было долго. Когда я кончил посемь класс, был председателем школьного старосты, по учебе — отличник. И самый длинный в классе. У нас вся семья такая. Отец про маму говорит, что она на две жаленки выше Большого театра, она его просто перекрывает. Она работает на фабрике, встречаются поздно и всегда смеются друг над другом. А я у них с пятой группы под именем «студент».

У ребят я пользовался авторитетом. Рост и сила тут тоже значение имеют, а главное, конечно, что учился хорошо. Это мне несложно доказалось. Есть ведь простые — математика, физика, а вот по-русски, по истории трудело приходилось. Все читать да читать к каждому уроку. Читать и не особенно люблю. Ну классики, конечно, правятся. Но если бы не задавали, многое никогда бы в жизни не прочитал.

Тут лето наступило, начал я ходить на стадион и играть в волейбол. Появились у меня на стадионе ребята знакомые. Вернес, людя... Они много старше меня были. Я с ними подружился. Так ничего особенного не делали, только в кино один раз стекла разбили.

Подходит дело к сентябрю. В школу ити полная экзотика. Я решил поступить в ФЗУ или химический техникум. Говорю дома — родители не советуют. А на меня лено напала: в школу не хочу и хлопотать настает техникума желания нет. Опять ходил на стадион, а вечером — в кино. В нашей компании джаз-

бандист был из кинооркестра. Каждый день пятерых бесплатно устраивал. В кино по три сеанса сидим, аплодисментами раскачиваем и к буфетице пристаем: «Эскимо, вскимо — разве яично само». А она, замуж ей глупость ни сказала, все смеется.

В школе начались занятия.

Я стал ходить, только все мне казалось, что не стоит дальше учиться. Дома почти не занимался. Погуна четыре «посредственно» и одно «плохо». А с волейболом у меня вышла скандал. Я играл классный, и все это знают, но есть у меня недостаток, опасный для команды: хочу играть за всех. Понимаю, что нужно переключаться, не бегать ара, а во время игры ничего не могу с собой сделать. Ну и вот когда мы с десятыми классами играли матч, пропригали из-за меня. Из-за того, что я с серединки погасить попробовал.

Игроки наши азартные, окружили меня, начали криять, но я отругивалась, конечно. А тут подошла ко мне одна наша мальчишка. Всвязь Минюсница (его там звали), потому что перенесли у него нет) и с таким презрением говорят:

— Шляпа! Он теперь не только что играть, даже и учиться не может. Колесо покатилось под гору...

Моя фамилия — Колесев. Ребята заходили, а у меня даже в глазах потемело, и сам не знаю, что делать. Никто со мной раньше так не разговаривал. И я заявил, что выхожу из состава школьной волейбольной команды. Поговорили и пошли. А мне вслед кричат: «Может, ты на коммюнике хочешь петь?» А я уж на дверей отвечал: «Может, и хочу, только с вами совместно не буду».

К концу второй четверти у нас состоялся комсомольский собор. Я звяжал писать членский билет — нету. Весь дом переры, все

карманы вывернула, найти не могу. Знаю, что дело нешуточное, приложу на комитет мрачный. Сказал, что был потерян, но мне и вказан строгий выговор с предупреждением. Только не сразу, а сначала голову молили, молили... В особенности наш комиссар Саша Усов. Он сказал, что на это дело надо смотреть шире. Что потеря комсомольского билята — это результат моего поведения за последнее время. И все это происходит из-за моего ложного самолюбия, из-за того, что я всегда стремлюсь быть первым, но ничего для этого не делаю.

В этот день мне обидной было чм тогда, с полемолотом. И не из-за выговора. Задес мечи очень Саша Усов. Нашего комиссара все ребята уважали и любили. И для меня он был единственным образом.

Над тем, что Саша сказал, я даже не стал раздумывать. У меня было такое настроение, чтобы только найти причину для обиды и разозлиться еще больше. Я рассуждал так: «Саша оказался сволочью. О нем не понимаю, не оценю. Ну и ладно. Обойдусь».

Я в этот вечер пришел домой, засыпал на кровать и заснул. Матери дома не было. Отец спал. «Лихую маму» передавали. И вот как запела эта бабушка французски, тамая тоска меня взяла, дезать себя не ненужна. Никогда в жизни у меня такого настроения не было.

Стал я учиться через пень-колоду. Но в общем уже чм «посторонне» отметок не было. От всякой комсомольской работы старались отдергаться. И все на меня рукой махнули.

Саша Усов несколько раз проводил со мной заговорщики. Первый раз просто спросил: отчего я так переменился? Но я отшутился, что, мол, очень скучно всегда одинаковыми быть. Очень я же по-моему был, и хотелось, чтобы он это чувствовал, но особенно нагреть как-то не удалось. Больше мне Саша прямых вопросов не задавал, а все спрашивала, с кем дружу на стадионе да что делаю дома. Я ему отвечал неопределенно и всегда старалась обернуть разговор.

Перед Первым мая у нас было дела по горло. Надо было загладить грехи по учебе за весь год, а тут оформлять колонии, за пособничество отдельной. Каждую минуту ребята пристают:

— Коласев, нарисуй диаграмму, обструйт паки для цитров...

Мне это надоело, и я твердо сказал, что не даю к Маю ничего не буду. Мне говорят, что комсомолец не имеет права так рассуждать. А я отвечал, что меня могут не считать комсомольцем. На этом разговор кончился, и меня оставили в покое.

После праздников меня вызвали на первое же заседание комсомольского комитета. Оказывается, ребята поставили вопрос о том, что я выхожу из комсомола. Спросили меня: правда ли это? Я отрыгнулся:

— «Захочу уйти — сам подам заявление. А пока молчу, прошу в мои дела не вмешиваться».

Начались выступления. Все ребята, как одни, меня кроют. Все мон грихи считают: чего дела, что не делал, как учусь, с кем дружу — и все требуют исключения меня из комсомола.

А я слушаю и прекрасно знаю, что все это правда. Ни кто ни ни одно слова про

меня не сорвал. И мне несколько не стыдно. Я в то время себя очень сильно считал. Гером был. «Говорите, — думал, — а что вы можете мне сделать? Ну хорошо, вынекните из комсомола. Как я сейчас один, так и останусь. Жуже не будет». И в то же время такое чувство: уйти из комсомола. — значит, все конечно. Значит, стать таким, как моя приятель со стадиона. И это навсегда. Одна проблема...

Но я побоялся виду не показал, что мне страшно. Смотрю на председателя в упор, пальцы по столу барабаню и даже ульбуюсь. Навонец, берет слово Саша Усов. «Ну, — думал, — похоронят». И друг от него начинает говорить так, как будто я ему каждый день про эту свою историю рассказывал.

Он все сказал: «как мне надолго учиться и как на меня повлияло, что я авторитет потерял. И вспоминаю, как я здорово раньше работал, был самым лучшим вожаком. Он меня не защищал, никаково, только как-то дал понять, что коллеги тут тоже иноваты. Сказал, что ни один человек не догадается ко мне подойти по-товарищески. Предложение же не — не только не исключают меня из комсомола, но и не дадут выговора, так как у меня уже есть строгий выговор с предупреждением за потерю комсомольского билета, а просто поставить на вид. Все это он сказал, с такой гордостью, что все ребята соглашались с его предложением, кроме одного Фролова. Но это было понятно. Я ему единожды неудачную голову занял и чуть ухо не обворвал, в шутку, конечно».

Из школы я побежал в кино. Там Шарина «Отваженные». Очень неважная картина. Все куски несвязанные, лента растягивается. Но там есть место, как маленькая девочка трактирщик заставляет полы мыть, а жалюзи ей куды крутят и она не может повернуть, что это ей такое счастье. И я не виделся с парнем. Потом моя стала стыдно и я ушел, не досмотрев картины. Так я и не знал до сих пор, чем дело кончилось.

На другой день я в школу на занятия не пошел, только отнес заявление о выходе из комсомола и сейчас же пошел в другую школу. Узнавать, можно ли перевестись туда в конце года. Домой пришел только к вечеру, и мать мне сказала, что быва Саша Усов и оставил мне записку.

В записке было сказано, что Саша будет менять жилье в школе до двадцати ночи.

Прихожу в школу. Саша сидит в пионерской комнате один. Подожму, а он спрашивает:

— Ты программу и устав ВЛКСМ знаешь? Отвечаю, что знаю.

— С чем-нибудь не согласен?

— Нет, со всем согласен.

— Тогда расскажи, в чем дело. Все, все с подробностями рассказывай.

Я вижу, что он волнуется. И стало у меня такое хорошее настроение, и я все не упираюсь, рассказал. И что я не могу быть комсомольцем, потому что буду себя как последний хулиган, и что мне не хочется неправильно, и также в этой школе, где теперь все меня знают, какой я бесхарактерный и упрямый. И, наверно, жалеют, а я этого перенести не могу.

Я долю говорю, и должно быть, повторяю, потому что сам толком не понимаю, что со

мной происходило все это время. Саша меня слушал не перебивая, а потом сказал:

— Все это пройдет. Бери обратно свое заявление. Я ему хода не дал. Только показал некоторым членам комитета, и мы решали, что если ты в течение трех дней одумешься, счи-тать, что ничего не было. Мы забудем об этом. Обязательно приходи завтра на комсомольское собрание. Выслушай, держись так, как будто бы у тебя никаких срывов никогда не было.

На другой день я пришел в школу. Очень плохо отчал по-племени. Две наши комсомольцы надо мной помчались, потому что я перепутал слова, и меня вдруг взорвало. «Э..., — думал, — ничего не изменилось, и все равно мое оставаться здесь нельзя. А Саша какого-то сколько разматывает. Думает доказать меня своим благородством. Ну, постой же...»

Началось собрание.

После выступления Саши, который говорил что-то о вожаках, я взял слово и начал все его предложения опровергать. Но на мое выступление никто не обратил внимания, только председатель сказал: «Наш герой опять пропустит».

Для через два после этого собрания ко мне подходит Саша и говорит, что комсомольский комитет намечает меня капитаном в председателя школьного старшества старших классов. Сразу начинает советовать, каких ребят надо подтянуть, кому сказать и ни слова о моем последнем выступлении. Я послушал его и подумал: «Нет, Сашу не проймеш: он смеется меня».

Вскоре меня выбрали председателем старшего класса.

Сейчас я в достаточно классе, и все идет гладко. А получилось это потому, что как только я стал председателем, сейчас же из учебы из всех ссыпалась. Я знал, что инициаторитета не будет.

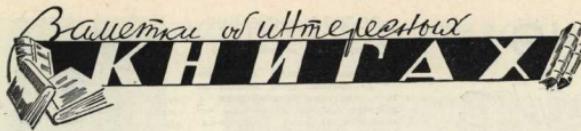
Теперь я стараюсь внимательно подходить к ребятам. Задумываюсь над звездами «недул». Выясняю причину. И часто оказывается, что дело вовсе не в лени или тупости. Вдруг отличник получает подряд две плохие отметки. Ребята уже начинают помесиваться, сам малый делает вид, что ему море по колено. Подожди, заговоришь, как будто между прочим, о какой-нибудь математике и выясняется, что человек живет с родителями в одной комната и в эту же комната въехал старшая сестра с грудным ребенком. Дома не то что заниматься, а даже спать невозможн. Ну, а если домой не заходить целим днем, то жизнь получается беспорядочная и не до учёбы. Стараешься это дело выпрямить. Только все эти истории надо вымыть сразу же, а то потом дело запутывается. Я это на себе испытал.

Надних мы с Сашей разговаривали. Он мне признавался:

— Ох, сколько я над тобой мучился, все не знал способа, как подойти... А то, интересно, может, тебе еще раз такой срыв произойдет? Где-нибудь в буде или на приводстве?

А я ему честно ответил:

— Характер остался тот же, упрямый, а самомнения меньше. И сейчас иногда хочется перед ребятами гордым пройтись, показать, что ни с кем не считаюсь, но сам себя обзываю. Но в этом сила.

Любите ли вы книги, полные удивительных приключений и захватывающей борьбы? Борьба с противником воровами и силями, для победы над которым требуется немало мужество, а порой и геройство, готовность жертвовать жизнью...

Если любите, то прочтите книгу Поля де Крои «Борьба со смертью» (Изд. «Молодая гвардия». Цена 7 р. 50 к.).

Она полна таких удивительных событий, что они кажутся фантастическими, да и даже самое сложное — правда. В ней описывается борьба с противником самым хороварами и силями — со смертью. Борьба со смертью ведут учёные.

Они ведут ее не только в глубинах своих лабораторий, как доктор Шауди, орудиями приборов, в которых заключены плененные

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

армии врага; содержимое одной такой прибрюжи достаточно, чтобы умреть целую армию. Подобно Паркеру, они бесстрашно направляются во вражеские засады: сидят в заряженные трубы. Подобно Спенсеру, они изобретают боевые будильники страшной бомбезной, на самом себе узнать их течение и научиться излечивать их.

Все эти — и многие другие — борцы и герои знали опасения в книге.

Героиня научного исследования сосредоточила содержание работы Поля де Крои. Первая его книга — «Охотники за микробами», — переведенная на русский язык, имела огромный успех. Вторая книга «Борьба со смертью», — написана под псевдонимом, — неизвестна, будет иметь успех еще больше.

Американский бактериолог Поль де Крои создал новый жанр научного повествования. Показывая весь ход научного исследования, он в это же время описывает нам учёных, их труды, их достижения, их ошибки. В его книгах учёные-бактериологи им недостатком.

Только люди эти наделены острым умом, настойчивостью, огромной работоспособностью и незаурядным мужеством. В своей борьбе со смертью они не имеют поддержки, терпят неудачи, подвергаются опасности, но добиваются и побед, которые вознаграждают их за все. Потому что каждая такая победа спасает тысячи жизней.

К сожалению, еще многие среди новых молодежи, будучи знакомы с историей, литературой, искусством, почти ничего не знают о

жизни живой природы. Но можно ли быть культурным человеком, не имея никакого представления об этой большой и важной области науки? Книги Поля де Крои помогут сделать здесь шаги.

Замечательные читатели, они начнут его на дальнейшие вопросы.

И, может быть, иные учёные читатели сами станут потом в ряды борцов и героев науки. Наука сколько лучше им будет честа, чем Поль де Крои!

Если учёный на Западе постигнет всегда — кустаря, занимавшего

от мистики частных благотворителей, то советскому учёному предста-

вляются все условия для плодо-

творчей работы. Беззаботные

условия, удачные для работы —

зарядка, а значит и укрепление

из здоровья, успешной борьбы за долголетие заложены в самой ос-

нове нашего строя.

Сравните с этим — с широко разлитой системой советского здравоохранения и всей нашей заботой о здоровье — условия жизни в Европе. Ревматические дети спасены солнцем юга, но снова обречены на мучения, вымученные вертилью в своих смычках, недородами, эпилепсией.

Чащоточная газетчица убивает себя, выкидывая из морозной утром из окна в снег. Но ком же будет звать на нее она покинет с головой? Не засор Поль де Крои, привыкший к пониманию того, на сколько губительен капитализм для здоровья и жизни подавляющего большинства людей, с горечью думает назвать следующую свою книгу о новых победах науки над смертью?

«Зачем сохранять им жизнь?»

А. ТВАРДОСКИЙ

СТРАНА МУРАВИЙ

советский художник

СТРАНА МУРАВИЯ

«И едет, едет, едет он,
Дорога далека,
Свет белый с четырех сторон,
И сверху облака.
По склонам шубово взялись
Горы в синеве.
И у берегов зеленый лист
Раскрылся за два дня.
И рожончатый пеной сок
Течет со снежки пней.
Чем дальше — тем зеленее...
Тем поле зеленей...»

Кому принадлежит это, полное поэтической силы описание природы? Кто такого Моргунка? Куда он едет?

Автор этих строк — молодой поэт Гавриил Моргунов. Моргунов — автор поэмы «Страна Муравия». Этой самую страну и сел искать Моргунов, потому что там никого не спасший, кобы лишился умства», потому что «если христианским правилам Муравия верна», Моргунов верит, что такая страна есть и сел искать ее. Он не хочет вступать в колодезь.

Автор этого стихотворения уезжает в Колодезь:

«Всюду! Всюду! год!
И надо всем стяжать руку,
Зовущую аванду.

Массы труженических крестьян переселились тогда на новый, колодезный путь. Не всем крестьянин был ясен премущества колодезного поля. Моргунов — однажды вскоре этих сомнений.

Моргунов — не художник. Но трудно ему рассстаться со своим неизгладимым добром, со своим величием труда. В своем коме лежит верного помощника и друга. И здеш ему предлагают снести этого кома на общую коноплю!

Но чем дальше едет Моргунов по стране, тем больше видит, тем крепче становится уверенность, что нет арестинству другого пути, кроме колодезного. Удивительно убедителен его картинам аргужко колодезного труда и радостной жизни, описаные в первые восходившие стихами. В колодезном спире находят он свою заветную крестьянскую страну Муравия.

Нередко упрекают наших молодых поэтов в отсутствии в их произведениях значительного замысла, большого пейзажа. «Страна Муравия» — победа молодой поэзии.

Позма Твардowskого реалистична. Она правильно показывает начальствование миллионами традиционных сельскохозяйственных народных методов труда, форма ее проста и выразительна, потому что смело черпает Твардowski из пленконосного источника жизни народного творчества.

ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

Разные люди путешествуют по миру с советским паспортом в кармане. Едут дипломаты, представляющие нашу великую родину. Едут артисты и учёные. Едут инженеры — смотреть машины. Едут писатели — инженеры человека и других...

Два советских писателя, которые пересекли Америку на автомобиле от Атлантического океана к Тихому и обратно, больше всего интересовались человеком.

И они пришли к заключению, что в могущественнейшей и богатейшей стране капитализма жить человеку плохо.

«Выражение столь хлеба, добываемого из зерна, выстроено столько машин, что этого столько бы, чтобы удовлетворить чуть не половину земного шара. И на обычно уважаемой почте, вместо сплошных дворцов радости, высок наперекор разуму громадный уродливый излюбленный гриб — город Чикаго в штате Иллинойс. Это какое-то торжество

САШ — город Флабстрафт. У входа в кино.
(Фото И. Ильфа).

напечатанное в 10 и 11 номерах журнала «Знамя» — нет сомнения — достойное массового издания в самом ближайшее время.

На сцене у Эфранс

,МНОГО ШУМУ ИЗ НИЧЕГО"

(Театр имени Вахтангова)

Бенедикт — волгоградский артист Р. Н. Симонов.

Бенедикт любит Бенедикта, и Бенедикт Бенедикта по оба конца несет проклятия к этому на себе, ни друг отругу. Вместо неких признаков Бенедикт и Бенедици обзываются... остротами. Они острят, они издеваются, они уязвляют самолюбие друг друга. Но, в конце концов, любовь побеждает.

Вот и все. Правда, в пьесе есть и другие линии событий, но театр выделил именно эту.

Пьеса Шекспира — многосторонние, талантливые, яркие и смелые. Общество частных собственников никогда уже больше не породило таких характеров, как никогда не возымела потом буржуазное искусство до широты и мощи шекспировского гения.

Бенедикт любит и всестремится к тому, чтобы его любили. Да, но он острит без любви, он издевается не над любовью, он явится, в сущности, не Бенедици. Его чувство сплошь и целиком нудно, он не так легко выйдет его. Своими стрельбами он разит лишь сантиментальные излияния, которые чужды ему духу смелого солдата.

И Бенедици, острота, издевка, острота, издевка, явит. Но, любя Бенедикта, она вовсе не согласна расстроить себя зельем в подобном обличье. Она полноценный человек и защищает свои права: любовь должна способствовать еще большему расцвету ее достоинства...

И Бенедици влюбят между собой, они острят.

И как острят! Это поистине праздники разума и веселья.

Постановщик, художник, актеры отличились пиками двух звезды, полной веселой недоразумений и нескончаемых поборотов действий.

В спектакле много изобретательности Дениса Родина, красочны и талантливы. За немногими исключениями хорошо играют актеры.

Следует выделить Симонова (Бенедикт) и Мансурова (Бенедици).

Мужественный и добродушно-

Бенедици — волгоградская артистка Ц. Л. Мансурова.

Смотрите же Шекспира, читайте его, изучайте его. Приобщитесь к этому миру образов, созданных воображением одного из величайших гениев человечества.

СЛОВАРЬ читатель СМОНДИ

В этом новом отрывке «Смех» будут разъясняться иностранные слова, наиболее часто употреблявшиеся за время в течение истечения месяца. Зачастую смысл этих слов бывает не вполне ясен для молодых читателей.

Продолжая начатый напротив в редакцию отрывок о материале, помечаемом в этом новом отрывке, а также сообщаю о тех словах разъяснение которых мы хотели бы найти в нашем словаре.

НОВЕЛБЕСКАЯ ПРЕМИЯ

Так называется особая премия, присуждаемая ежегодно за важнейшие открытия в области физи-

«ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИН»

(Центральный детский театр)

Внимание зрителей напряжено до предела. Дело доходит до того, что они замешиваются в действие. Они изывают свою исполосованную златом Карабаса-Бабура, покидающую страшный крик, стуча ладонями и костями. В страха за судьбу любимого героя они пропадают его:

«Буратино, не отдавай ключчин!»

И это не один голос, не два: взаимно подает советы весь зал.

Рукавичка, что лениво найдется спектаклей, которые бы так сильно захватывали зрителя.

Правда, следут добавить, что артисты эти — в возрасте от четырех до десяти лет.

Несмотря на страну, самозабвенно сидят они на скамейке, разыгрываемой на сцене Центрального детского театра.

А ведь сколько было «умников», оберегавших советских детей от сказки! Сколько времени уделялось им не допускать скажу на страницы журналов и на сцену «Золотой ключчин» — «эда ли не первый крупный и значительный «казачий» спектакль»?

Но важно не только это. До последнего времени крупней-

Карабас-Бабас — Ю. Коринец.
Буратино — К. Коренева.

шии наши писатели почти не писали для детской сцены, то ли потому что взорвали для себя, то ли не имея что сказать нации детям.

Но вот пришел большой мастер слова, Капуя благодарной аудитории нашел!

Безусловно, с такой аудиторией, неслыханно скромной, спектакль трепетал в себе, говорить поздоровья. Следует выступать во вскоре-ции мастерства и таланта.

Алексей Толстой пошел правильным путем. Сказка о деревенском мальчике Буратино, который подружился с карабасом-бабасом Карабасом-Бабасом, владелец театра кукол и учителями — это — сказка эта написана рукой подлинного художника.

Сказка кончается тем, что мужчины, обладающие разнообразными характеристиками живых мальчиков и девочек из нашей страны, где хорошо живется детям. Ею оканчивается наша родина.

Постановщик (Наталья Сад и Коровев) сумел прядать спектаклю блеск волшебной сказки.

Кот Бабилло — Н. Чинаров.

ки, химики, медики и физиологи, а также за лучшее художественное произведение и за деятельность по укреплению мира. Премия названа nobелевской по имени ее учредителя — великого британского физика Альфреда Нобеля (1833—1896), работавшего над применением взрывчатых веществ, в частности нитрогlycerина, и в процессе этих работ изобретшего динамит. Это изобретение принесло Нобелю колоссальные доходы.

Всё свое состояние, назывтое на самое начало «проблемой» (19 маленьких рублей золотом), Альфред Нобель завещал на выдачу пяти смековых премий. Каждая премия составляет около 20 тысяч фунтов стерлингов.

Пока же уже не одна сотня одна из премий выдается за «внедрение знаний между народами», за деятельность, ведущую к упразднению или сокращению постоянных армий и т. п.

Эту премию буржуазные пан-фигисты считают слепством практической. Нобелевская премия одного из наиболее смортоносных средств ведения войны.

В то время как капитализм на получение премий в области точных наук обычно делят более или менее беспорядочно, капитализм на получение премий мира и литературной премии бывает в основном стечением единого общего отряда политических элит, и называемых лиц, которые эту премию присуждают. С 1901 года четверо nobелевские премии присуждаются шведской Академией наук, а пятую — премию мира — парламентом парламента.

Просматривая списки лиц, которых были за 35 лет присуждены nobelевские премии по литературе, можно заметить в нем такие имена, как Толстой или Гоголь. Зато наядо отнюдь не имеющие мирового значения писатели, профессоры польского писателя Раймонта, шведа Гайденстама и других. Единственный представитель писательства, присужденный nobelевской премией, явился бывший монах Бунин (в 1933 году), что само по себе caratterизовало политические заинтересованности и вкусы тех, кто эту премию присуждал.

Вот почему такой неожиданностью и даже вызовом прозвучала

Конференция читателей «СМЕНЫ»

Около ста постоянных читателей журнала «Смены» собралась на конференцию, чтобы послушать доклад ответственного редактора журнала В. А. Герасимова и высказать свои пожелания «Смене» на 1937 год.

Среди участников конференции — красноармейцы Н-ского полка связи, молодые рабочие Электротехнической фабрики имени Куйбышева, 2-го часового завода, работники Центрального телеграфа, студенты Института имени Бубнова, школьники 9-10-х классов и др. Состав участников конференции весьма показателен: «Смену» читают рабочий молодежь, читаю не только на фабриках и заводах, но и в школах, и в краснодарских частях, и в учреждениях.

Одни из участников конференции рассказали любопытный факт: в его семье «Смену» читают все: и папы, и старшие братья, и пожилые родители. И все находят для себя на страницах «Смены» интересный материал.

Читатели отметили, что повышение качества журнала и пропаганду той, особенно удивляют читателей № 9 «Смены», посвященной А. С. Пушкину.

Однако читатели указали и на слабые стороны «Смены» и предъявили новые, повышенные требования к журналу.

«Смена» мало пишет о Красной армии, — говорят тол. Синайский. — Нет очерков об обычновенных бояцах, о захватывающих гешах. Надо показать боевые будни Красной армии, ее учебу, тоже красноармейцев,рост людей.

Выступает тол. Мольман, из Института имени Баумана:

— Я люблю музыку. Но когда

ло присуждение nobelевской премии мира в 1936 году известному антифашисту, немецкому журналисту и политическому деятелю Карлу Лейхтенбергу.

Положение явилось особенно острым еще и потому, что в момент присуждения премии Оседкий находился в заключении и даже не мог лично получить премию.

Оценки писателей как непринимый антифашист, недопекрато разоблачавший тайны вооружений Германии и ее захватнические планы. Он был заключен в тюрьму по обвинению в фрагментации государственної тайны еще до прихода фашистов к власти. После этого он был вынужден сидеть в тюрьмах он был вновь схвачен фашистами и брошен в концлагерь. Присуждение nobelевской премии мира Оседкому является, таким образом, оглушительной победой германского фашизма. Франция не считает и доказала этот факт. Характерно, что национально-социалистические драматоги подняли страшную шумиху против присуждения премии Оседкому и сумели даже заставить выступить с протестом наследников Нобелей.

Москуччи — читатели «Смены» — на конференции.

исполняют симфонии или другие сложные музыкальные произведения, они остаются для меня маневренными, а «Смена», которую я регулярно читаю, почти совершенно не пишет о музыке. Мало также помещает журнала рецензии на новые театральные постановки.

Тол. Мартынова, редактор журнала «Советский монотипограф», большинство времени проводит в журнале заметки об интересных исторических датах.

Многие читатели просят редакцию расширить бытовой отдел журнала, больше помещать дискуссионные очерки по вопросам коммунистической этики и морали.

Журнал должен воспитывать в молодежи уважение к тем правам общечеловеческим, о которых говорится в сталинской Конституции.

«Смена» должна культурировать такие черты характера, какие были свойственны Павлу Корчагину, любимому герою молодежи.

— Надо давать в журнале художественные произведения, рождающие таких людей, как герои чиркесской борьбы Республикийской Испании, — говорит тол. Вельдер, из экспедиции газеты «Правда». — Надо из номера в номер печатать воспоминания старших большевиков.

Некоторые из выступавших настойчиво требовали от журнала очерки об истории нашей страны и ее народа.

— На страницах «Смены» — говорит тол. Кошкин, — надо писать, до тех пор слабо освещаться историю нашей родины.

В журнале должны печататься интересные очерки о различиях мест нашей страны. Мы должны увидеть лицо каждой союзной республики из сознания одинаццацати.

В речах читателей часто упоминаются имена Пушкина, Некрасова, Маяковского, имени великих художников и композиторов; Альвардо да Винчи, Рембрандта, Вермеера, Гойи, Бернини, Караваджо и др. Больше статей об этих великих мастерах культуры, больше углубленного показа художественных достоинств их произведений, больше воспитания настоящего художественного вкуса у молодежи — вот смысл требований читателей.

Все эти конструции ответственный редактор журнала тол. Герасимов и заместитель редактора том. Гольдберг сообщили читателям план журнала на I квартал 1937 года. Наиболее ценные предложения читателей редакцией учтены. С 1937 года в «Смене» будут регулярно публиковаться такие статьи, как «На сцене и экране», «Слово читателя «Смены», «Спортивный аллеандар», Намечены статьи и очерки о величайших русских писателях: Пушкине, Гоголе, Цедонине, Некрасове, Маяковском. Будут публиковаться статьи о классических и ведущих личностях мастеров живописи. Значительно расширится отдел исторических и географических очерков. Особое внимание редакции уделит показу борьбы германского испанского народа.

Конференция закончилась выступлением тол. Гольдберга, громко прокричавшего вслух: «Слава! Единство! Победа! Демократического народа! Павла Пиченко, Сергея Васильева, Бориса Абебеда.

ДЖАЗ

Накануне мировой войны 1914-1918 годов и особенно в первые годы этой войны в Соединенных штатах появлялись оркестры, в которых музыканты играли на необычайно новых инструментах: самонаводящемся радиофоне и механическом спутнике звука. Эти оркестры назывались джазбандами.

Самый большой джазбанд на счетыных в то время не свыше 30 человек. Количества инструментов в джазбанде достигают максимума 36, причем обычно один музыкант играет на нескольких инструментах.

Количества инструментов входят в джаз? Наряду со скрипкой и роялем мы видим гитары-банду, маленькие гармошки, саксофоны, трубмы, ксилофоны и разнообраз-

нейший набор ударных инструментов, имевших по-английски короткое, но изразительное слово — «джем».

Но музыку джаза оказали бесспорно влияние неигранические народные напевы, неигранические воинские песни.

Однако американцы и европейцы писали в джаз темато спектаклях джаза чувствуется «симфония большого американского города».

Славно сказались в мелодии джазовой музыки англо-саксонская народная, неисключенная и грубоватая.

В течение короткого времени «бархуда» джаза зародила всю бруклинскую Европу. Не было ни одного диско, ресторана или попросту кабака, где нельзя было бы встретить джаз.

Все это счастье опоясало самой джаз и придало джазовой музыке в эти слухах, неиздоровый, и известной степени упадничий характер.

Однако не следует забывать, что наряду с явлениями джазами существует и на Западе ряд прекрасных концертных джазов.

Впрочем, Дюк Эллингтон, Пол Уайтмен, Хайнлонг. Многие композиторы пишут для этих смешанных джазовых оркестров.

Джазовая эпоха ясно, что не следует путать джазовый оркестр как музыкальный коллектив, имеющий большие возможности, с удачной джазовой музыкой, типичной для многих западноевропейских и американских джазов.

Джазовый ансамбль, как таковой, имеет ряд крупицких достоинств. Он отлично передает произведение с четким ритмом. Джазовый оркестр также плавно передает темп благодаря насыщению в нем и духовых и струнных инструментов. По характеру этих инструментов он очень приспособлен для передачи бодрой, веселой музыки.

Лучшие из джазов уже стали отдельными произведениями массовой культуры. Передовая же язва, остроумно и необычайно темпераментна. Такие коллективы джазовой музыки завоевали у нас все права гражданства наряду с лучшими симфоническими коллективами нашей страны.

Василий Суриков

Очерк Ю. НЕЙМАН

Из сибирского города Красноярска в Петербург по широкой снежной степи медленно тащился обоз. Золотопромышленник Кузнецов посыпал в столице руку в подзор министром. На одном из возов взгромоздившегося на спину охотника, ехал — наставник Кузнецова — учитель в Петербург Василий Иванович Суриков.

Дело было в 1869 году. Только что Нижнего начинавшая железная дорога. Ехал Суриков 28 дней.

На встречу обозу или снежные просторы тощайшие оттепели, расстилались над головами морозные, звездное небо предвещали разрывы и иней, и снега. И были эти 68 дней, как и вся жизнь художника Сурикова, трудной, увлекательной, требующей непрерывного внимания и напряжения силовой.

На экзамене в настоящую школу, в Академию художеств, Суриков проповедал: с гипсов красноярской жизнеподобие не умеет рисовать. Девят провала и крушение лучших надежд был сочинен Академии. Суриков посмотрел на Нечуя-Ламбайскую и бросил в воду изодранный в клочки панно.

Не славиться и преодолевать препятствия вмучили Сурикова destino, Сибирь, жестокая, неугасимая жизнь... О destino он рассказывал впоследствии поэту Волынину:

«...Нравы жестоки были. Казни и гемеси народные, казни и гемеси на рубахах, казни и Эшварт недалеко от училища были. Там на кошмы наказывали пыткой. Бывало, имена, дети, из училища. Краинчат: *«Везут, везут!»* Мы все на площадь бежим как колесники. Рябжи на палачей красивы, порты широки. Они перед толпой по эшафоту поднимались, плахи расправляли... *«Смертную казнь я для раза видел.* Там три муштровы на подиуме казнились. Их на тетиве, подобно рогатым прицелам. Жидко им лежит, падают... подстилки из Я бышико стока. Дали залп. На рубахах хрустные птицы позависали. Два упали. А парень стоит. Такой укус, я вам скажу...»

Жестокая жизнь в Сибири была. Согласно XVIII веку Кудашине под помину. На Енисее зимой устраивались И мы, мальчишки, драматические представления дураками, которые были в городе. Там же, где они выступали, был постолий. Мы всегда сбегали Флеромонией, удачно представляем: спартакиев и персою. Я Леонидом Спартакионом всегда был...»

Бывшего Леонида Спартакиного, как было сказано, не сломила неудача. После провала на академических экзаменах он поступил в рисовальную школу и в три месяца поступил в приемную Академии. Печально сказать, и первые две.

В три месяца прошел трехлетний курс рисовального училища, а четвертое года — шестнадцатый курс Академии. Причина тому — не только блестящая одаренность: Суриков обладал еще феноменальной работоспособностью.

С утра же вчера трудится он в Академии. Не прекращается работа и в нее стек мастерской. «Ни одна из работ не всегда набиралась, приходил и сдвигал картины, они комбинировались в чистоте... Я все естественность и красоту композиции изучал... Дома сам себе задавал задания и разрешал. Образцов неких не призывал — все сам...», — рассказывал впоследствии Суриков.

Так было в том училище, так было и позже. Жизнь Сурикова — это труд и совершенствование. О предметах собственных желаний почти ничего рассказывать Семен, цементо-химические артизы, посаки, книги. Последние, необходимые для работы, книги, помоленные для работы, может быть, даже дружины, нужны для работы. Едва закончил картины, художник уже задумывается над новой. Завершил гран-

диозную вещь, он для «отмыки» приступает к работе над сравнительно небольшим полотном...

И в результате этой напряженной, сосредоточенной, аспептомающей работы очень рано и часто определяется иконографическая тема ческого образа художника. На амурском конкурсе Суриков предложил типичную для Академии тему: «Апостол Павел, обискающий догматы христианства перед Иродом» Агриппой,

жизнь, как Толстой говорит, поднялась. Я в Петербурге еще решал «Стрельцов» листать. Задумал я их, когда в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидел. Памятники пластици, они мне дали ту обстановку, в которой я мог достичь свою сибирские вещи. Я на память оставил эти вещи, когда людям смотрел, я расспрашивала же: «Вы знали, вы слышали, вы видели...». Стены я дополняла, а не знал... Как я на Красную площадь пришла, все это у меня сибирским воспоминаниями связалось. Когда я их (т. е. «Стрельцов») задумал, у меня все лица сразу так и возникли. И цветами, я имею в виду, а не цветами.

Над «Стрельцами», точнее над «Утром стрелецкой казни», Суриков работал три года. Картина — первая картина злого духа художника Сурикова — появилась на девятой подснежниковой выставке (1 марта 1881 года).

Оно широко известно, это сумрачное по короткому полотно.

Ранним утром. Туман. Белые рубахи стрельцов. Белые изыски снегов на фоне этих рубах. Оживление, последние минуты страшного ожидания.

Виселица еще пуста. Плачущи уводят первую жертву.

Удивительное чувство мести, чувство художественного тракта не позволяло Сурикову показать самую казнь. Но кровью, не физиологически уединенными потерпевшими, Суриков изображал гордые, тощие, гордые трупы: склоняясь и сдергиваясь развертывают их перед зрителем психологическую и историческую драму.

Петр на коне. Он неподвижен и неумолим как статуя. Только глаза горят невыразимостью. И взгляд этого глаза перекреивается с другим, не менее ненавидящим и упорным, со взгляда уединенного потерпевшего. Суриков изображал гордые, тощие, гордые трупы: склоняясь и сдергиваясь развертывают их перед зрителем психологическую и историческую драму.

Петр на коне. Он неподвижен и неумолим как статуя. Только глаза горят невыразимостью. И взгляд этого глаза перекреивается с другим, не менее ненавидящим и упорным, со взгляда уединенного потерпевшего. Суриков изображал гордые, тощие, гордые трупы: склоняясь и сдергиваясь развертывают их перед зрителем психологическую и историческую драму.

«Мешников» в Березово Суриков начал писать, чтобы «отдохнуть» после «Утра стрелецкой казни». Но вот на эти картины, на эти картины, уединенные, раскрытием Мородовой сочувствует Суриков: его восхищают — он заражает своим восхищением зрителя, — его трогают огромная потенция, чистая страсть, отвага, боязньшие возможности этих людей.

«Мешников» в Березово Суриков начал писать, чтобы «отдохнуть» после «Утра стрелецкой казни». Но вот на эти картины, на эти картины, уединенные, раскрытием Мородовой сочувствует Суриков: его восхищают — он заражает своим восхищением зрителя, — его трогают огромная потенция, чистая страсть, отвага, боязньшие возможности этих людей.

Исторический «Мешников» — лучшее отрицательная, вор и растрачен. И у Сурикова есть и другие картины, тоже исторические!

Но не чтобы Суриков изображал свою сторону его характера — заслуженную заслугами земли.

Удивительным детям Мешников — обреченная, гаснувшая девочка, необычайной красоты; робко привинавшаяся к отцу, пряталась ее сестра; малчик, грустны и гордый, созидающий горечь своих судьбы и упреков, привинавший ее вспоминающим в замерзшем опицце, впитывшему музыкальна: здесь же та же музика гнева и петали, бунта и покорности, что и в «Стрельцах».

Поборники «правдоподобия», рабыньского подражания натуре возмущались: «неестественно» огромным ростом Мешникова. Говорили: если он встанет, вся семья будет ему по колено.

В. И. Суриков (автопортрет).

сторой его Беренеевой и римским проектировщиком Фестом. Можно с уверенностью сказать, что другой художник, поползлая беззральством, эту тему, ограничиваясь лишь изображением четырех фигуры. Будущий theoret «Стрельцов» и «Богородица Мородовой» вводят в композицию отряд римских легионеров и группу евреев, слушающих проповедь. Иными словами, он пишет голую, разнородную и гармонично спроектированную. Суриков — мастер композиции, мастер композиции, гений изобретатель лица толпы.

За консультацию картину Сурикову присудили большую золотую медаль, дающую право на заглавную Большую медаль.

Конечно, Сурикову не хватило для сию поры истории: — и поговаривали, что казнать расстраты деньги — и Сурикову в запрятанной посадке от казни. Хорошо, что он жалованье, да золотых. Хорошо, что ученики учились успеть, да деньги на поездку нашли. Но вот — факт, характерный для Сурикова — художник внезапно отказался от композиции.

Строптивый этот поступок был вызван не

одним только желанием досадить Академии.

Причиной оказалась глубже: «период первоначального поклонения» закончился для художника.

Суриков чувствовал, что созрел для настоящей творческой работы, а такая работа была для него невозможна вне родины, вне

России. И вот, что бахиняк для года вынужден он работать на заводе — писать боссы

для храма Спасителя?!

И он в Москве, си

дышит ее воздухом! В свободное от поденной

работы время я жду собирает материала для будущих картин.

«Я как в Москву приехал, — рассказывает Суриков, — прямо спасен был. Старые дрож-

Это расценено было как техническая ошибка, неспособность следовать «законам» Сурикова.

Между тем «романтика» Меншикова заслужена художником совершенно заслуженно. Это помогло Сурикову подчеркнуть его замысел, показать, как тесно бывшему фельдмаршалу в низкой избе. Суриков — реалист, а не натуралист, точнее воспроизводящий каждую мелочь.

Вряд ли кто изучал историю так тщательно, как Суриков: он любил настичников на улице, писал им чайки и в той обстановке, при том освещении, какое нужно было для картины. Безжалостный к себе, он не щадил и натурщиков. «О родившемся для «Морозова» он писал с человеком посаженным босым на снег. Правда, Суриков предварительно матер ему ноги спиртом.

И в то же время, если требовалось того, художественный замысел, наезд, ядро сцены, Суриков всегда поступался частностями. Он спроворил, творил картину, а не списывая, не фотографировал, как делали это передвижники, как поступают и некоторые наши современные художники.

«Боярья Морозова» справедливо считается вершиной суриновского искусства. Высокому замыслу этой картины соответствует блестящая техника. Художник тщательно учел побывавших западники. Он изучал творчество великих мастеров: Веронезе, Тициана, Веласкеса, Тintoretto, Леонардо да Винчи, Рафаэля — усвоил технику французских импрессионистов. И в то же время Суриков остается глубоко народным, русским художником. Он впитывает искусство Запада, претворяя, преобразя его.

В «Боярне Морозовой» нет ничего лишнего.

Трудно было найти нужную, «бесспорную» композицию, трудно было «утыкать» детали, в то же время труднее записать лицо Морозовой. Ведь нужно было создать такое лицо, которое «перекрывало бы эту удивительную толпу», которую оказалось бы сильнее всех этих извечно-западных, недумавших и сочувствующих лиц.

Немало потрудился Суриков, прежде чем нарисовал лицо своей гневной раскальпиницы, которая «вспыхнула» в красках.

Но самое удивительное в картине — не мастерство передачи воздуха и движения, не фигура Морозовой, не отдельные лица (следует отметить, скажите, что никто так здравомысленно и любовно, как Суриков, не передавал красоту русской женщины), скажите, не поразительное мастерство передачи предметов, глубокая, физиономическая связь Морозовой с людьми, обступившими ее сани. В толпе есть врачи, есть разинувшие, но большие друзей. И главное, всматриваешься в картину, мы понимаем, откуда возникают характеры, подобные Морозовой

В. И. Суриков. «Боярин Морозов» (центральная часть картины).

В. И. Суриков. «Меншиков в Берегове».

Рыжий стрелец Эскин для картины «Утро стрелковой казни».

После завершения «Морозовой» в работе Сурикова долгий перерыв. Тяжелое горе постигло художника: он потерял любимую жену. После долголетнего перерыва — снова картина Сурикова перед публикой. И совершенно неожиданно — это бодрое, полное бурной жизнерадостности лицо — «Взятие снежного городка». Побывав на репетиции, Суриков взялся об иконной сибирской забаве, знаменитой ему с детства. На масленице стреляли в Сибири городок из снега и льда и берут его приступом.

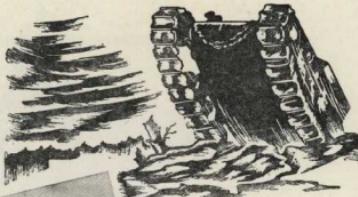
Чай коня профриется в ворота, тот — победитель.

Критика тех лет встретила картину холодно. Тему называли пустячной, недостойной таланта Сурикова. А в «пустячной» этой вещи художник раскрыл новые стороны души русского народа — кипучую жизнерадостность, удачу, умение веселиться так, как умеют веселиться только сильные и здоровые.

(Окончание на стр. 30).

КОГИЗ
ПАРТКНИГА
ИМЕЕСЯ
В ПРОДАЖЕ
НОВАЯ
КНИГА

СБОРНИК
ПОД РЕДАЦИЕЙ
М. ЛАНДА
Изд-во Ц. О. НКО
газеты

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
1936. 238 + 34 стр.,
вкл. в Цена впереде
15 руб.

«Словами самих танкистов книга рас-
сказывает, как они водят свою грозные
машинами по болотам, где не пройти и
человеку, как мастерски проходят они
через препятствия, казалось бы, самые
непреодолимые».

«Книга предпринята величительные
стремления автора М. Ланде и А.
Халеникова. Статьи знакомят с историей
развития танкового дела за рубежом
и у нас, дают представление о за-
дачах, стоящих перед советским танко-
войством» («Правда» от 20/XI-1936 г.).
Книга ярко иллюстрирована и пре-
красно оформлена.

**Продажа во всех книжных магазинах и киосках
МОГИЗа**

Почтовые заказы направляйте по адресу: Москва,
МОГИЗ, «Книга—почтой».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 г.

Ежемесячный руково́дящий
журнал для военных юных
пионеров

Возлеатый

Орган ЦК ВЛКСМ

В помощь юным журналь дает практические материалы по организации и воспитательной работы в отряде и школе, печатает рассказы, письма, альбомы, библиографию, а также художественные рассказы и стихи для чтения в отрядах, публикации для юных пионеров.

Журнал систематически печатает практические материалы и помощь кружкам юных техников, изобретателей, педагогических групп Москвы.

Журнал рассчитан на юных пионеров отрядов и кружков отрядов пионеров, радионом, обкомов и краевым ВЛКСМ и педагогов.

ПОДПИСКА НАЧИНАЕТСЯ НА ГОД — 6 руб.,
на ПЕСНЮ — на 3 мес. — 1 р. 50 к.

Песня отдельного номера — 50 коп.
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОМИССИЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ, а также инспекторствами в Главной конторе КОГИЗа (Москва, Маросская, 7) и вскоре в постах.

СОДЕРЖАНИЕ: В. Гроссман — Запальщик (из нового романа); Павел Антокольский — Дорога (стихи); Вилям Брель — В подвале Гестапо (рассказ); Борис Горбатов — Профессия астроном; А. Халеников — Статьи знакомят с историей развития танкового дела за рубежом и у нас, дают представление о задачах, стоящих перед советским танковым войском» («Правда» от 20/XI-1936 г.).

Пушкинские страницы: С. Дурмалин — Даю юбилей; К. Чуковский — Заветы Пушкина и Некрасов; В. Савицкая — Медный всадник; Е. Попова и В. Ихонтов — Артистический стих; Александру Сергеевичу Пушкину — стихи молодых поэтов.

Ш. Норенберг — Бунт и усмирение первов (научный очерк); М. Далясева — Герой (очерк); Ю. Нейман — Василий Суриков (очерк).

Заметки об интересных книгах. — На сцене и экране. — Словарь читателя «Смены». — Шахматы. — Спортивный календарь.

Рисунки: Г. Василевса, И. Гринштейна, В. Коновалова. Фото: Д. Дебабова, И. Шагина, И. Гущина, А. Липскерова. Н. Воинова.

На обложке: «Линии прогулки», фото И. Гущина. На обороте обложки: Великий советский морской путь «Краски на трапезе» мисса Шиманта, фото Д. Дебабова.

Отв. редактор В. А. Герасимова

Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Зав. иллюстр.-художественной частью В. И. Урин

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 8-84-24.

Непринятые рукописи не возвращаются

Сдано в набор 5/1-37 г. Подписано к печати 25/II-37 г. Изд. № 92

Формат 72×110 см 4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—10902.

Выпускающий Н. В. Меркушов

Зак. № 9.

Тираж 45 000.

Типография газ. «Правды» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 руб.

